

РУССКАЯ ВЕСНА

Антология поэзии

Москва
2015

Русская весна. Антология поэзии – М.: Книжный мир, 2015. – 256 с.

ISBN

Эта книга – первая, а потому, понятно, далеко не полная и далеко не совершенная попытка представить нынешнее пробуждение Русского мира в отражении отечественной поэзии. Пробуждение тяжёлое, во многом трагическое, но одновременно – радостное, дарующее надежду на лучшее не только русскому народу, но и всему человечеству, переживающему тяжелейший со времен Второй мировой войны кризис.

Не случайно годовщина начала «Русской весны» практически совпала с 70-летием Великой Победы 1945 года, а одним из символов её стала оранжево-черная «георгиевская» лента – лента ордена святого Георгия Победоносца.

В этой книге голоса уже известных поэтов сливаются с голосами самого народа, создавая удивительную и прекрасную симфонию не только Победы, но и воскресения России для жизни вечной.

Все доходы от издания книги будут переданы в фонд помощи жителям Донбасса, пострадавшим от военных действий.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN

© Владимир Винников,
составление, предисловие, 2015
© Книжный мир, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир ВИННИКОВ
ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ВЕСНЫ

Именно так, все слова – с большой буквы.

Пишу эти строки в пасхальную неделю 2015 года. И, наверное, именно в этот день яснее понимается, отчетливее видится главное: всё, что происходит в нашем, разделенном, рассеченном, страдающем, гибнущем и воскресающем в междоусобной брани Русском мире, – конечно, Голгофа. Для всех и для каждого.

*Шаг за шагом и день за днём –
неуверенно, робко, слепо –
мы восходим на небо своё,
неприметное издали небо...*

Все мы, даже не понимая этого, повторяем путь Христа, а тот, кто не делает этого, сходит, сам переступает с этого пути и преграждает путь другим, – становится преступником, предателем, иудой. Война идёт не на Украине, не в Новороссии, не на Донбассе – она происходит в каждом из нас. И происходит не только сейчас, а долгие-долгие годы, века,

даже тысячелетия. А время – что время? И тысяча лет у Бога как один день, и один день – как тысяча лет.

Что, впрочем, вовсе не отрицает конкретных обстоятельств места и времени. Привязки к истории с географией.

Разрыв на части единой страны в 1991 году, смена не только государственной вывески, но и всего уклада жизни, её ценностей и смысла, – всё это было не только болезненно, мучительно и страшно, иногда – до смерти. Это было еще и неожиданно. Никакой «шоковой терапии» – шок в чистом виде. Для поэзии, которая всегда была нервом своей эпохи – тоже. По моим личным ощущениям, русская поэзия в 90-е годы переживала именно состояние болевого шока. Кто-то орал благим матом, кто-то онемел, а кто-то, получив грантово-долларовый наркоз, распевал что-то весёлое и похабное... Но в целом поэзия стала никому не нужна: говори ты хоть в рифму, хоть без – всё это слова, слова, слова... А решали всё деньги, «бабло», которое побеждало всё вокруг...

Ясно было, что такое состояние – надолго, но не навсегда. Ну, просто не может навсегда умолкнуть, потерять поэтическую связь с высшими сферами бытия наш народ, наша страна, всегда бывшая Отечеством Слова.

И сегодня «возвращение поэзии», заявленное мной еще в 2003 году, стало бесспорной реальностью. Бесспорной – в связи с государственным переворотом на Украине, воссоединением Крыма с Россией и гражданской войной, развязанной киевской хунтой против восставшего Донбасса...

Поэтическое слово не могло не пойти на войну. Эта закономерность не случайна и постоянно повто-

ряется в истории, что замечено еще Львом Гумилёвым: «Появились саги и поэзия скальдов – сравним плеяду арабских поэтов перед проповедью Мухаммеда и в его время. Или Гомер и Гесиод накануне эллинской колонизации... С движением викингов, противопоставившим себя оседлым и зажиточным хевдингам, связано возникновение скальдической поэзии около 800 г.» То есть литература в целом и поэзия в особенности – род воинского искусства. И «поэт во стане русских воинов» – не случайность, а неизбежность и необходимость...

Один из героев этой книги, поэт Юрий Юрченко, который из Парижа отправился добровольцем-ополченцем на Донбасс, свидетельствует: «Я хотел сначала взять позывной «Поэт», но мне сказали: «У нас уже есть три поэта, четвертого мы не потянем»...

Понимают это и наши, выражаясь языком российского президента, «партнеры». И западные, и украинские. В прошлом году в Соединенных Штатах издали – на русском языке – поэтический сборник «НашКрым», включивший в себя произведения более чем сотни авторов, проживающих ныне по всему земному шару. «Сверхидея» сборника понятна и проста: Крым – настолько чудесное сокровище, что должен быть достоянием всего человечества, а потому он не может быть «Крым-наш», русским, российским Крымом. Этот малотиражный, в общем-то, поэтический проект – благодаря гигантской рекламе в глобальных масс-медиа и в интернете – прогремел на весь мир.

«Позиция составителей антологии в отношении «крымского вопроса» достаточно чёткая – путь, которым Крым стал частью Российской Федера-

ции, для них неприемлем», – восхищался «Голос Америки»...

Данила Давыдов на «Радио Свобода» расставлял точки над «і»: «Было очевидно, что поэты должны совершить какое-то действие по отношению к политическим глупостям, происходящим в этом мире. Просто обидно, когда некоторые из представителей поэтического сообщества принимают некоторые из политических позиций: либо украинскую, либо российскую, – за истину в последней инстанции (притом, что сам я в целом на стороне Украины). Поэты, пишущие на русском языке, в некотором смысле морально обязаны ответить на это, объяснив, что Крым всегда был территорией свободы, территорией любви, всегда был местом, не зависящим ни от чего».

Замечательно звучит, не так ли? А, кроме Крыма, есть ведь еще и не менее чудесные Дальний Восток с Сибирью, или Кавказ с Уралом, – на которые так же свободно и легко можно распространить логику «всечеловечности». Как пишут в сети сторонники «сибирской автономии» и «дальневосточной независимости»: «Для нас американцы не зло, а как раз избавление от московских оккупантов...»

Но попробуйте ту же «всечеловечную» логику применить, скажем, к Фолклендским островам или к Гибралтарской скале, не говоря уже про острова Гавайские, базу Гуантанамо, или там Аляску... Нет, только Югославия и Ирак, Ливия и Сирия, Чечня и теперь вот – Украина...

А у меня на столе лежит объёмистый синий том «У времени на юру» – с пояснением «История Крыма в русской поэзии». Готовился еще при украинских властях, издан уже в 2014 году, при россий-

ских. В тех условиях – несомненный подвиг автора проекта Людмилы Корнеевой, а в нынешних... Трудно ли было перед изданием сборника включить в него отрывок из «Слова о полку Игореве»:

*«Солнце ему тьмою путь заступаше;
ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди;
свистъ зверинъ вѣста,
збися див,
кличетъ врѣху древа,
велитъ послушати – земли незнаеме,
Волзе,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тьмутараканьскый блѣванъ!»*

Или это – не поэзия? Или она – не русская? Сурож – это нынешний город Судак, Корсунь – древний Херсонес, около Севастополя. Если не помнить об этом, то получится, что Крым русские «завоевали» только в XVIII веке, антология начинается с оды Гавриила Державина «На присоединение Крыма». И не было ни крещения Владимира Святославича в Херсонесе, ни Тьмутараканского княжества с Мстиславом Удалым, уже Пушкиным преобразенного в сказочное Лукоморье...

Я слышал «поэтов Майдана», в стихах которых звучали железные ноты «Хорста Весселя», слегка повитые «трояндами» и «барвинком». Я слышал, как Майдан пел «Ще не вмерла Украина...» Теперь я, и не только я – уже весь мир точно знает, что культ смерти спаривается с культом «еврокарго»,

и что рождается на свет под гарь и копоть горящих шин...

Украинский конфликт, гражданская война на Украине – заново поставили вопрос о Большой России, о Русском мире, о русской цивилизации. На этот вопрос ищут и пытаются дать ответы все авторы антологии «Русская весна». Собственно, их стихи, а также связанные с их стихами и с ними самими материалы: беседы, статьи, мемуары, – и раскрывают понятие «Русской весны» применительно к поэзии.

Для каждого из четырех разделов книги дополнительно написано небольшое собственное предисловие, поясняющее их содержание и взаимосвязь.

В добрый путь, читатель!

Сергей АРУТЮНОВ
ОЧЕВИДНОЕ О НЕВЕРОЯТНОМ

Я уже вижу эту главу в школьном учебнике истории:

«В начале 2014 года на Украине при поддержке США и стран Евросоюза произошел вооруженный государственный переворот (т.н. «киевский Майдан»), в результате которого...

На волне революционной эйфории в Раде звучали открыто националистические заявления, целью которых был полный идеологический и экономический разрыв отношений с...

Под угрозой – вплоть до запрета – оказался статус русского...

Весной, в результате всеобщего референдума, абсолютным большинством голосов за вступление в состав России высказался...

Первое с 1991 года присоединение территорий вызвало в российском обществе массовый подъем, получивший название...

Практически бескровная операция по вхождению Крыма в состав России убеждала в том, что вес страны на международной арене...

Это послужило сигналом к действию для «пятой колонны»: российские публицисты либерально-западнического толка развернули настоящую атаку на...

Признание Россией результатов крымского референдума стало также поводом для экономических санкций со стороны «цивилизованных стран», возглавляемых...

Юго-восточные области Украины, Донецкая и Луганская, граничащие с Россией, высказались за... от тактики захвата местных администраций сторонники автономии перешли к формированию боевых...

Киев, подталкиваемый США, начал массированные силовые акции в... обобщенно названные «антитеррористической операцией» (АТО), регулярно применяя против «террористов» фронтовую авиацию, тяжелую артиллерию, средства массового... Число жертв АТО со стороны мирного населения и украинской армии в короткие сроки выросло до...»

...Сухой язык фактов, обобщений – что может он передать, какое чувство? – при виде окровавленных, разорванных надвое женщин, подростков, грудных детей и торжествующе-озлобленных комментариев под их фото – «с той стороны»?

Молодые «укры», скачущие над трупами свой антропофагический гопад – как забыть их? Одесскую трагедию, малазийский лайнер?

Как смириться с потерей друзей, перешедших, перебежавших, перетекших – «туда», беснующихся, проклиняющих, на глазах сходящих с ума, верящих в любую фантастическую ложь?

Как простить прозвища «ватники», «колорады», «ордынцы», присвоенные целой стране, попирающие то общее, через которое вместе прошли по кровавой дороге Великой Отечественной?

Как, не беря напрокат затёртые выражения «исторической науки», описать вопль, исторгшийся из славянства (да только ли его!) при виде городов, уничтожаемых с земли и с воздуха под бодрые реплики об «уничтожении гидры сепаратизма»?

...Есть иной язык. Переливчатый, сложный, не дающийся тем, кто привык к глумливым «белоленточным» агиткам столичных любимцев, сменившим родовые фамилии на русские.

Есть язык боли, на котором наша поэзия говорила всегда, но только не в последние годы, когда эти самые любимцы и их присные вытеснили из литературной печати всё, что не соответствовало либеральной картине мира, в которой центральное место занимает мировой гегемон – Соединенные Штаты Америки и их «национальные интересы».

Говорить на языке скорби и отчаяния практически невозможно, но именно сейчас только на нём и следует говорить. И такая практика – не «новая искренность», флагом которой долго махали перед нашими глазами блудливые скоморохи всех мастей, чуть что бегущие извиняться за нас и получать зарплату к американскому посольству, но единственная вменяемая практика поэзии, возможная в период войны.

Лично мне было практически невозможно откликаться почти невозможно. Информация обрушивалась бетонными плитами. Казалось, что лежишь под тысячетонным грузом взорванных ракетами домов, и лишь на периферии сознания пытаешься осмыслить, вскричать – как это могло случиться? Кто истребил наше братство, и – было ли оно? Не наступили ли последние дни, когда развешиваются и больше никогда не приходят спаси-

тельные иллюзии о добре, чести, воле, блоковских «подвигах и славе»?

Почему ты не в ополчении? – в тысячный раз задавал я себе один и тот же вопрос. Ответ на него каждый раз убеждал меня в том, что я трус и подлец, и это ощущение уже никогда не пройдёт.

А лето тащилось кривыми тропками, взлетало в пене на гребень информационных волн. Трудились пропагандисты и контрпропагандисты, выходили статьи и колонки, сплошной чередой неслись траурные новости. Что я осознавал, кроме растерянности и личной подлости? Например, то, что ежегодного катастрофического августа в 2014-м уже не понадобится: война подобралась так близко к отчему порогу, что стоит приоткрыть окно, и услышишь канонаду за московскими корпусами.

Так же, как в маленьких городках, затерянных в благодатных когда-то бывшей братской страны, этим летом мы выходили гулять с детьми, а открывая Facebook и V Kontakte, читали военные сводки. И это впервые с 1940-х гг. было – о нас. Русскоговорящие с шевронами ДНР и ЛНР против русскоговорящих с погонами Украины, против их танков, гаубиц, пикировщиков.

Сборы средств, палатки у метро, пластиковые ящички, в которые мы, возвращаясь с работы, опускали купюры и мелочь.

Война пришла к нам тем, что мы поняли, как это могло бы быть, если бы мировой доминион обрушил на нас всю свою мощь еще в 1990-х гг., если бы российское руководство не шло тогда у него на поводу, а подняло бы флаг сопротивления. Если бы так случилось, в точно таких же руинах лежали бы наши города, в точно таких же безымянных моги-

лах покоилось бы до трети нашего населения.

Россия пала иначе: тихо, благородно, избегая скандала в благородном мировом семействе. Пылали окраины Союза, поднимал голову национальный сепаратизм, заботливо выращенный прямо у нас в сердце теми же незаметными служаками – американскими военными советниками.

Те из нас, что пытались говорить о падении страны, немедленно объявлялись фашистами.

Я – молчал. Был молод, ветрен, попросту глуп и верил всему, что говорил гусинско-киселевский телевизор.

Прошло двадцать лет, точнее, 23. Странное, злое число...

Раскол российской интеллигенции, или того, что имеет дерзость так себя называть после предательства собственного народа в 1990-х гг., был предсказуем. Его можно рассматривать как маленькое, но значимое следствие «политических разногласий» российских и украинско-проамериканских элит.

Отстраненный скажет – в борьбе двух пропаганд не бывает правых. Да, это так. Но вправе ли отстраняться от войны тот, кто чувствует себя частью этого мира? Какую сторону принять там, где брода нет и быть не может? Или всё-таки – есть и брод, и компромисс, когда фигура в фашистской форме вскидывает руку к груди, когда зажигаются факелы, когда орут – «на ножи!» - тебя, твоих дедов, прадедов и детей?

Поэту не обязательно принимать ту или другую версию происходящего.

Как проводнику мировой боли, ему следует чувствовать одно – человеческое страдание. Во времена мира поэт корчится оттого, что боль настагает

его повсюду даже среди цветущих лугов и порхающих бабочек. Поэт не властен над своим ощущением вины за то, что мир наш стоит криво. За то, что он готов в любой момент разразиться раскатами войны, и непрочен, поскольку уродует сам себя взаимной ненавистью, всепоглощающей жадностью сильных и бессильной злобой слабых.

Наш мир, фарисейски терпящий злодеяния, произносящий пафосные речи и душащий не согласных с ними, подлый, прогнивший и продолжающий уродовать подрастающие поколения своими неустранимыми противоречиями, обречен уже потому, что в нем нет ни высшей справедливости, ни элементарного порядка.

Самое страшное в нем – равнодушие не лично к нам, но к явному и неоспоримому злу.

Была ли у послевоенного мира совесть? Или годами, десятилетиями он только врал, а по ночам обывательски трясся в страхе перед северным гигантом, разлившимся по земле от Балтики до Тихого океана?

Было ли в мире – добро? Христианин ли он, перемальвающий любую новостную жвачку?

И что есть наша правда – империи или человеколюбия? С Христом ли мы сегодня или против него? Кто и что победит, когда никакая победа уже никогда не искупит принесенных жертв?

Зовом попранной справедливости и человечности вызваны к жизни строки этой книги.

Комментировать их нет сил.

Я, наверно, впервые отказываюсь оценивать, чьи строки талантливее, кто удачнее выразил весь этот ужас,

Я не назову ни одного имени, все они перед вами, а многих в этой книге нет, потому что это стихи ограниченного нашим кругозором круга лиц. Есть среди них поэты крупные, есть начинающие. В одном я убежден – эти люди, отозвавшиеся на трагедию, далеко не худшие представители русской интеллигенции. Потому что эти стихи, мятущиеся, угловатые, седые от нахлынувшей тоски, – молятся за всех убиенных.

Эти стихи не о войне, потому что стихи не могут быть о войне. Военной лирики нет именно потому, что лирика не может быть об уничтожении людей.

Эти стихи – о наших душах, подвергшихся насилью войны.

И может быть, сегодня, в огне и крови, будет сформирован костяк будущей нравственной элиты России, или... или мы опять проиграем, потому что нас расколуют, заживо, на века вперед погребут в очередных «концепциях», где первую скрипку будет играть не совесть, не долг перед павшими, но очередная либерально-монетарная мерзость.

Да, расколов в такой зыбкой среде, как наша интеллигенция, будет еще предостаточно, но не в них дело.

Дело в том, что великий урок Революции и Гражданской войны повторился спустя ровно сто лет – специально для нас.

Сегодня нам кажется, что мы ясно видим врагов: вот они, упоенные нашими мертвыми телами, наслаждающиеся тем, что можно пуститься вразнос, клеймить всех и каждого «совками», лепить издевательские ярлыки, извиваться в неверных лучах предательской славы.

Но не очередная иллюзия ли это?

Нам предоставлен уникальный шанс понять, что есть наша история, каковы технологии расчленения народов на бессмысленные, бодающие друг друга стада, и как чудовищно сложен путь каждого человека к правде.

Если я сегодня надеюсь, то на одно: правду еще могут расслышать, а может быть, через сто лет, когда новые грозы разразятся над нашей землей, наши потомки не будут так убийственно слепы и примитивны, как некогда были мы, чтобы в который раз не принимать свет за тьму.

* * *

Сергей Арутюнов – российский поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Красноярске, окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатается в толстых журналах и литературных изданиях с 1994 года, с 2005 года ведет творческий семинар в Литературном институте им. А.М. Горького. Лауреат премии им. Бориса Пастернака (2004) и некоторых других литературных премий, член редколлегии журнала «День и Ночь» (Красноярск).

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В данном разделе собраны стихи, написанные их авторами в «шоковый» для русской поэзии период 1987-2013 годов – и в полной мере отражающие как целостность, особость и самость Русского мира, так и его неизбежное противостояние миру Запада, «западной» цивилизации в качестве доминирующего над всем человечеством «центра силы». Собственно, подобное миропонимание и является семенем, породившим нынешний феномен Русской Весны. При этом важно не ставить знак равенства между приведенными здесь стихотворениями, многим из которых – годы или даже десятилетия, – с последующими творчеством и жизненной судьбой их авторов.

Светлана СЫРНЕВА

ПРОПИСИ

Д. П. Ильину

*Помню, осень стоит неминуемая,
восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
и прекрасная самая».*

*В пеших делях – деревья корявые,
дождь то в щеку, то в спину,
в сапожонки дырявые
заливается глина.*

*Образ детства – навеки:
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помёте.*

*Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина – самая сильная,
наша Родина – самая светлая».*

*Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.*

*И споёт во все хилые ребра
октябратский мой класс бритолобий:
«Наша Родина – самая вольная,
наша Родина – самая добрая».*

*Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера!*

*Ты горька, как осина,
но превьше и чести, и срама –
моя Родина, самая сильная
и богатая самая...*

Светлана СЫРНЕВА

* * *

**На картину Александра ВЕПРИКОВА
«Синь и золото»**

*Корка хлеба ржаного, стакан молока –
и от этой ничтожности сытость была,
словно чья-то, не зримая нами, рука
клала что-то еще на пустыню стола.*

*Перемётный барак незапамятных лет,
на задворках сарай обветшал и осел.
Его крыша дырява, но в каждый просвет
входит небо – и мир твой по-прежнему цел.*

*Так мы жили, не зная, что можно пенять
на провалы, прорехи, гнильё да былё.
Безотказно спешила душа восполнять,
восстанавливать мир из себя самоё.*

*Нет в России пустот, позабытых полей,
всё надстроено здесь до великих твердынь.
И на месте пропавшей деревни моей –
синь и золото, Саша, берёзы и синь.*

*Видно, так и заведено нам выживать
на холодной земле, на пожухлой траве:
извлекать из пустот, в пустоте вышивать
по начертанной Богом незримой канве.*

*Журавлиная к северу тянется нить,
отступает зима, торжествует весна.
И щедрот иноземных к нам некуда лить,
ибо чаша была и осталась полна.*

Виталий ПУХАНОВ

* * *

*Пока чернел над полем крест орлиный,
И зарастала житница бурьяном,
По слову собирая на былину,
По нищим деревенькам шли баяны.*

*Мать пела сыну, пела-выпевала:
«Ты утром встанешь – и взойдёт Ярила...»
Обугленная Русь полудышала,
Который век дыхание копила.*

*Все ожидали, укрывая глиной
Отцов и братьев, данников недавних,
Когда баяны пропоют былиной
Богатыря, не знающего равных.*

*И тысячи за ним пойдут по зову,
И он шагнёт бесстрашными полками –
На поле, избавляться от позора:
Мечом, копьем и голыми руками.*

*Всё сплавлено, всё слито воедино –
Не сладить ни варягам, ни татарам.
От каждого – по слову на былину.
От каждого – по одному удару.*

Олег БОРОДКИН

ВОСТОК И ЗАПАД

Павел Филонов, 1912-1913 гг.,
бумага, масло, темпера, гуашь, 38,5x42 см

*восток, конечно, дело тонкое.
но коль
порвётся, то чреват
сплошной резнёю:
брат старший уж и враг,
и просто ноль...
модерн частенько
кажется бронёю,
однако нацодежды
бьет и моль,
и пули, и...
мы все здесь – рыбаки...
Евразия,
пора бы вам очнуться!..
рыб разноцветных
тащим косяки
сетями из воды мы,
и смеются
над нами рыбы:
браво, мужики!*

Андрей ДОМБРОВСКИЙ

* * *

Пока пурга звенит всё ниже,
как бы монистами о куст,
мне снится сон. Я сплю и вижу
спокойный пламень Ваших уст.
Но лишь инкаустовым ядом
пересыщается рука,
пока Вы дышите не рядом, –
на том конце материка,
где за оградой ковыля,
ничьих не ведая промашек,
лежит спокойная земля
в негромком пламени ромашек.
Там дурень думкою богат,
там только тень за тенью встанет,
как дед из дудочки помянет
единокровного врага.
И, гетьман армии теней,
Москвой разжалован поныне,
я думаю об Украине
и вьюга пахнет чабрецом
и распускается монистом
пред лирником и чернецом,
чей гетьман севером освистан.

Николай ЗИНОВЬЕВ

* * *

*У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою.*

*Не плачу, не молюсь я,
А просто – нету сил уйти.
Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...*

Николай ЗИНОВЬЕВ

НЕ ЗАМАЙ!

*Мы песни поём, коль нам плохо.
И плачем, коль нам хорошо.
Да, мы не от мира. От Бога.
Вы нас не замайте ужю.*

*Теснили нас разные орды.
Врывались к нам в сумрак избы
И конские жаркие морды,
И танков холодные лбы.*

*И был в своё время, что НАТО,
Зело популярен Мамай,
И Гитлер, и... Хватит? Не надо?
Ну, то-то. Смотри, не замай!*

Георгий СУДОВЦЕВ

ВТОРЖЕНИЯ**дочери Полине**

Скажу я просто – пусть некстати, –
что вторгся к нам Наполеон,
когда весь цвет российской знати
французским духом был пленён.
Так минул век... Немецкий гений
нас диалектике учил –
и немцев на полях сражений
мы били из последних сил.
Теперь Россию наизнанку
по рынкам тащит «демократ» –
так что, придут с войною янки?
Их одолеть трудней стократ...
Но что всем нужно от России?
Какая тайна есть у нас,
что всякая земная сила
без нас – не сила, власть – не власть?
И троццу, как всем известно,
особо любит русский Бог.
А значит, суждены нам вечно:
Победа, память, новый бой!

Марина СТРУКОВА

ПЕСНЯ О ВЕЧНОЙ ВОЙНЕ

*Сияет листовка на серой стене,
страна по колено в крови,
но каждая песня о вечной войне –
лишь песня о вечной любви.
О деве, что, плача, стоит на крыльце,
глядит на дорогу в тоске,
о юном герое во вражьем кольце,
о солнце весны вдалеке.*

*О гордой душе, что летит в высоту,
о ивах кровавой реки,
о белых цветах, что ложатся к кресту
из трепетной детской руки.
Нам верность и подвиги снятся во сне.
Зови их на землю, зови!
Ведь каждая песня о вечной войне –
лишь песня о вечной любви.*

*И с радостью мы растворимся в пыли
за рощи в туманной дали,
за белые сёла, где жить не смогли,
за город, где жить не смогли.
Тоска о незримом сжигает меня,
и солнце глядит свысока,
есть каста бойцов, и стальная броня
для них, словно нежность, легка.*

*Ты, как об огне, вспоминай обо мне
и звезды доступные рви.
А каждая песня о вечной войне –
лишь песня о вечной любви.*

Сергей ЗАГАТИН

* * *

*В сон после лета,
В душную ночь
Рухну, ресницы прикрою.
Всё, чем пытался себе я помочь,
Прежде чем слиться с землёю:
Неба глотком, хлеба куском
И родниковой водою, –
Корчась от боли,
В родной стороне
Верю, доподлинно знаю –
Будет весна
В сиротелой стране,
Что мне желаннее рая.
Хоть бы глазком
разглядеть, что потом –
вечна ли музыка мая?
Песня допета.
Всё лишнее – прочь!
Дальше – в симфонию света!
Жаль, что не в силах
Себя превозмочь
И дотянуть до рассвета.*

*Что смерть нам?
Пусть светит
Гордая дева – Победа.
Сквозь смерть нам
Пусть светит
Юная дева – Победа...*

МАЙДАН, ОДЕССА, КРЫМ, ДОНБАСС...

«Русская весна» началась в прошлом году с возвращения Крыма. Когда «вежливые люди» практически без единого выстрела освободили полуостров от перспективы необандеровского и ассоциированного с ним крымско-татарского террора. Тогда казалось, что следом за Крымом с Россией вновь воссоединится и Украина – по крайней мере, большая или значительная её часть. Сожжение «майdanовцами» в Одессе 2 мая активистов пророссийского движения показало, что легким и быстрым, «по крымскому сценарию», этот процесс не будет, что ядовитый для Русского мира эликсир «украинства» прочно впитался общественным сознание «незалежной». Потом начались боевые действия на Донбассе, фактически – гражданская война: со своими героями и предателями, поэтами и палачами. И под флагом Новороссии, как будто специально повторяющим флаг американской Конфедерации времен Гражданской войны 1861-1863 годов, окончательно оформилась Поэзия Русской Весны. Вечной и священной.

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ
«НЕЗАТЁРТЫХ СЛОВ
БОЕЗАПАС...»

За год с небольшим русская поэзия совершила невиданный взлёт, и сейчас переживает явный расцвет. Во многом это явление связано с событиями на Украине. Русские пережили духовный катарсис, который высвободил мощную творческую энергию, нашедшую наиболее полное воплощение именно в поэтическом жанре.

Не успели мы опомниться от противостояния в Киеве, во время которого кое-кто из моих друзей-поэтов, очарованных «романтикой революционной вольницы», мотался на Майдан покричать свои стихи толпе, как со стороны украинцев последовало поэтическое (и политическое) отречение от России и от русских: на всех ресурсах печаталось и звучало стихотворение украинской поэтессы Анастасии Дмыtruk «Никогда мы не будем братьями – ни по Родине, ни по матери!». Впервые так откровенно, с такой неприкрытой ненавистью к России и русским, издавна связанным с Украиной разнообразными узами: родственными, кровными, историческими, политическими, экономическими, культурными, – было заявлено, что украинцы не хотят больше состоять с нами в славянском брат-

стве. Более того, отныне русские и украинцы объявлялись непримиримыми врагами!

Парадоксально, но со стихотворения Дмытрук, которое вызвало целый шквал «ответов», началось если не поэтическое возрождение, то мощная волна новой, яркой русской поэзии.

Поначалу десятки, а может, и сотни «ответов» Дмытрук чаще всего соответствовали дилетантскому уровню – примерно такому же, что и стихотворение-провокатор. Но было и несколько сильных, запоминающихся, например, Юрия Лозы:

*Вас растили, наверно, не матери,
и – не с сёстрами, и не с братьями,
вам фашистскую, чёрную свастику
при рожденье дарили каратели.*

2 мая 2014 г. произошли трагические, страшные события в Одессе: в Доме профсоюзов, где протестующие против Майдана пытались укрыться после столкновения на площади Куликово Поле, погибли люди.

Россия тяжело переживала одесскую трагедию. Для многих «романтиков», до этого дня веривших, что на Украине происходит «благородная революция», 2 мая стало переломным моментом в их жизни: они поняли, как ошибались.

В числе погибших были и поэты – одесситы Виктор Гунн и Вадим Негатуров. Негатуров приехал на площадь, чтобы спасти православные иконы, хранившиеся в палатке-церкви на территории лагеря антимайдана. По дороге случайно Вадим встретился с дочерью, которой отдал ключи от дома и день-

ги, оставив себе только паспорт. После атаки бандеровцев вместе с другими он оказался в здании Дома профсоюзов. Виктор Гунн погиб в огне, Вади-ма Негатурова майдановцы выбросили из окна...

*Зубы сжав от обид, изнывая от ран,
Русь полки собирала молитвой...
Кто хозяин Руси: Славянин или Хан? –
пусть решит Куликовская Битва.*

*И сразив Челубея, упал Пересвет,
но взметнулись знамёна Христовы!
Русь Святая! Прологом имперских побед
стало Поле твоё Куликово!*

Так пророчески писал Негатуров незадолго до своей гибели...

Дальнейшее развитие событий на Украине, военные действия в Донбассе породили новое направление русской поэзии, которое стало называться поэзией Юго-Востока.

С мощными стихами выступили признанные мастера слова: Юнна Мориц, Владимир Костров, Новелла Матвеева, Марина Кудимова, Александр Хабаров, Владимир Берязев, Лидия Григорьева, Алексей Ивантер, Ефим Бершин, Александр Кердан, Марина Ахмедова, Марина Саввиных, Виктор Кирюшин, Герман Титов, Светлана Максимова, Владимир Пимонов, Юрий Макусинский, Ирина Ковалёва, Влада Абаимова и многие другие. Привычные слова обретали новое звучание и значение, авторы писали о животрепещущих событиях не без исторических аллюзий:

*Посылает война соратника,
Но щедрота её кратка.
Из разведки четыре ватника
возвращались без «языка».*
(Марина Кудимова «Ватники»)

*Рявкнет очередь с бэтээра,
вспыхнет весело груды шин –
полновесною, лютой мерой
всем отмерится от души...
Украина! Да что ж ты «робышь»,
горе дальнее, но – моё?
Из какой неземной утробы
вышло в степи твои – зверьё?
Чёрно-красное, как гангрена,
неразборчивое, как мор...
Гладиаторскою ареной
до каких же ты будешь пор?
Свистнет пуля и мальчик всхлипнет
об отце, что её словил...
Холод смертный легко и липко
гнёзда в нас этой ночью свил.*
(Альгис Микульскис)

Невозможно было молчать, став свидетелем многих преступлений, совершаемых на Украине по приказам киевской хунты, хотя бы раз увидев фотографии умирающей, с оторванными ногами Инны Кукурудзы из Луганска – «горловской мадонны»; убитого на улице при артобстреле священника Георгия Никишова; мальчика Вани, лишившегося ног и руки, спасённого российскими врачами; донецкого врача «скорой помощи» Константина Ставинского, убитого украинским снайпером.

Вся Россия днём и ночью слушала сводки новостей: Славянск, Волноваха, Луганск, Иловайск, Краматорск, Донецк... У многих из нас в этих местах жили и живут (если не погибли в ходе боевых действий или от голода) друзья, родственники. А для меня скоро эти сводки наполнились непрерывной тревогой: в Донбасс уехал мой друг, ополченец-поэт Юрий Юрченко. Почему он, благополучно устроенный в жизни, на тот момент – житель Франции, успешный человек, вдруг подался туда, где когда-то родился, и где ныне шли бои? Юра просто и честно сформулировал ответ на этот вопрос в своём стихотворении «Ополченец»:

*Зачем иду я воевать?
 Чтоб самому себе не врать,
 чтоб не поддакивать родне:
 «Ты здесь нужней, чем на войне.
 Найдётся кто-нибудь другой,
 кто встанет в строй, кто примет бой...»
 За это неуменье жить,
 не грех и голову сложить!*

С ним перекликается «Баллада о пономаре» Ивана Белокрылова, посвящённая памяти Сергея Журикова, ранее служившего пономарём Киево-Печерской лавры, позже известного под псевдонимом «Ромашка», командира подразделения народного ополчения Славянска, который погиб в ходе карательной операции киевской хунты:

Полстраны накрыла чёрная хмарь,
 гонит с севера пожаров волну...
 Как случилось, расскажи, пономарь,
 что ты взял да и ушёл на войну?
 Сколько в Сумах посходило с ума,
 чтобы пропасть между близкими рыть?
 Киев пал, и под Черниговом тьма,
 и во тьме нельзя про тьму говорить.
 Осторожно положил свой стихарь
 и затеплил у иконы свечу,
 и раскрыл тогда Господь свой букварь,
 показал Он, что тебе по плечу...
 ... Знают все, когда ты пал, пономарь,
 и уже не поднимался с земли –
 Ты пошёл тропой небесной, как встарь
 с Куликова поля иноки шли...
 Там Ослябя ныне и Пересвет
 горних истин стерегут рубежи.
 Если можешь, передай им привет,
 как Славянск мы берегли, расскажи...

О выборе – и стихотворение Ольги Аникиной:

Электричество вырубил, выключил газ,
 взял рюкзак, запер двери – и с Богом.
 Человек из Москвы уезжает в Луганск,
 он не верит газетам и блогам.
 Может, горько ему, может, страшно ему...
 И, в нахлынувшей гари закатной,
 по железному тросу, в крошечную тьму
 опускается ящик плацкартный.
 А земля накренилась и воздух звенит
 между взрывом и визгом картечи.
 Как ты хочешь всё это собой изменить?
 Что ты можешь один, человеке?

Очень многое может! И это доказал Юрченко: он работал военным корреспондентом, писал правду о происходящих событиях, его хорошо знали в России, на Украине, во Франции и Германии, ему верили.

В конце августа 2014-го под Иловайском Юрченко попал в плен, выдержал пытки, истязания, несколько раз стоял под расстрелом.

Он всё перенёс с достоинством, чудом выжил, вырвался из плена. Его друзья, я в их числе, боролись за спасение своего товарища доступными нам способами: писали письма с требованием освободить Юрченко в международные организации, публиковали статьи, в том числе и в «Столетия», добиваясь, чтобы нас услышали в Киеве...

Противостояние АТО и ополчения продолжалось. В нашу жизнь вошли аббревиатуры ЛНР и ДНР, а затем – понятие «Новороссия», нашими героями стали стрелковцы. Об этом написал Игорь Караулов:

*«Назовите молодых поэтов», –
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.
Кто в библиотеках, кто в хинкальных
а они – поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне.
... Кровью добывается в атаке
незатёртых слов боезапас.
Хокку там не пишутся, а танки
Иловайск штурмуют и Парнас...*

Зазвучали и сильные поэтические голоса из самой Новороссии: Станислав Минаков, Александра Хайрулина, Анна Ревякина, Ирина Кузнецова, Елена Бувич, Стелла Маслакова и многие другие. Их стихи насыщены военными реалиями, ставшими одновременно будничной рутинной и поднимающие человеческий дух на недостижимую высоту.

Зачастую они долетают к читателю прямо из окопа, как гранаты, и плечом к плечу рядом с поэтом-бойцом – его славные предки, защищавшие Родину в битвах, и всегда одерживавшие победу!

Эта убежденность: «С нами – правда, с нами – наши прадеды!» – у всех, кто сражается за Новороссию, кто держит оборону в тылу, голодает, рискуя жизнью, доставляет гуманитарную помощь, кто под обстрелами восстанавливает железную дорогу и хлебозавод, пишет стихи, готовится, несмотря ни на что, к мирной посевной:

*...И хотелось сытное в землю бросать зерно,
Зарастай зелёной травой, злобой прорытый
ров.*

*Говорит мне сын: «Вот с этими прадед мой
воевал».*

*Почему у весны опять звериный такой оскал?
Почему слетается вновь черное вороньё?
Только эта земля моя, а я не отдам моё.
(Борис Бергин «Посевная»)*

И Новороссии – быть! Будет, непременно будет всё: необходимые лекарства, пенсии старикам, цве-

ты на клумбах вместо ям и осколков, и дети пойдут в школу, не боясь, что могут не дойти до неё из-за внезапного обстрела...

Как написала донецкая поэтесса Анна Ревякина в цикле «Город До»:

*Пусть живет мой город, не страшась свинца,
Пусть играют дети, и ветер колышет простыни.*

*А иначе нам придется вписывать в паспорта
Вместо города До мучительный город После.*

И уродится новый урожай. И будет мир. И – новые стихи.

Александр АНАНИЧЕВ

НАША ПРАВДА

*В который раз из нас творят врага
За то, что наша правда высока
И широко Отечество не в меру...
Что руку мы подняли на Бандеру.*

*Грозят войною – нам не привыкать.
Заливист лай заморских острословов,
Которых мы устали выручать
То от степных, то западных монголов.*

*Мы знаем их. Они – не знают нас:
Какие сны нам сладостные снятся,
Кто нас хранит и в прошлом, и сейчас.
Не знают нас – и потому боятся.*

*Им всё не так: и Сталинград, и Крым,
И русский снег, и правильная вера...
Жалеем их. И, может быть, простим –
Простим тогда, когда добьём Бандеру.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*В лучистом детстве, как на облаке,
Гуртами пастырям сданы,
Резвились радостные олухи,
Царя небесного сыны,*

*И между грезами компотными,
Надеясь, что не пропадут,
Сама земля им стлалась под ноги,
Пружинистая, как батут.*

*Но только волю рассупонили,
Разделись девки догола,
И радужная русофобия
Нацизму руку подала,*

*И вот, забиты телемонстрами,
Всем паром уходя в свисток,
Явились миру девяностые,
И мир скукожился и сдох.*

*Попробуй-ка теперь оправиться,
Не выскочив из естества:
Когда свободе чуждо равенство,
Она и братству не сестра,
При ней постыдно быть солистами
За славу, а не за прокорм,
Ни кучевыми, ни слоистыми,
Как Родина после реформ.*

*Здесь обломали, там обвесили...
Но хлебушек моча винцом,
Не каждый ли – сама поэзия,
Когда он мал и невесом,*

*И вслед ему так отрывающе
Дошептывают «...эвоэ»
Его подземные товарищи,
Состарившиеся во мгле.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

Шептали ль мы на дне изрытом
Слова любви,
Когда, отброшенные взрывом,
На грунт легли?
Но кто б мечтой не соблазнился
И смерти ждал,
Вперяясь в мертвые глазницы
Приборных шкал?
Часы текли, и каждый грезил,
В борта стучась,
Что ищет нас патрульный крейсер,
Уход, санчасть.
Когда работа черновая,
Хорал кувалд,
Куда там длить очарованье –
Прервать бы гвалт.
Но чуть реактор залатали,
И шов за швом
Погода стала золотая.
Улегся шторм.
Еще столетье будет сниться,
Подслеповат,
Рассвет, баюкавший эсминцы,
И снегопад,
Рулады флотского ансамбля,
Что нас встречал,
И вахтенного тень косая
Через причал.

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*Только зиму и помню,
Только зиму и помню одну.
Как по минному полю,
По проталинам вешним иду.
Ни о чем не жалею.
Той же крови, что всякий в строю,
Укрывался шинелью,
Шел по бритвенному острию.
Уходя, попрощайся –
Вот и все, что мы в книгах прочли.
Но как в детстве, о счастье,
Гомонят золотые ручки.
И намного предметней
Талых вод, обреченных веслу,
Мой сынишка трехлетний
Изумлённо глядит на весну.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

Александрю Орлову

*Туда, где беспечное солнце блудит
И облака реет крахмал,
Мы ехали молча, солдат и бандит,
И дождь нам по стёклам кропал*

*О том, кто чеканил, как лист – хлорофилл,
Бренды «ЛогоВАЗ»-«Евросеть»,
Но так ли, как мы, он друзей хоронил,
Уйдя в депутаты борзеть?*

*В Тойоте, похожей на старый башмак,
Покрытой шершавой корой,
Мы выстояли на своих рубежах,
А дальше – учёт и контроль.*

*Сверяйте по спискам, бандит ли, солдат,
Кого погубил или спас.
Но полнился духом иль был пустоват,
Господь разберётся без нас.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*Дёрнешь «Примы» за магазином,
И пригрезится в пять минут,
Будто в зареве негасимом
Годы прежние вспять идут.
И покажется – неужели
Так бессмысленно коротка
Эволюция униженья
Престарелого городка?*

*Вместо слогана – пыльный лозунг.
Это в космос кидает клич
Детской памяти отголосок,
Дорогой Леонид Ильич.
Слава утру! Врагов угробив,
Горделивая, как балет,
Марширует страна героев,
Боевых, трудовых побед.*

*И опять, как на всём Востоке,
Кучковаты до тесноты,
Олимпийские новостройки,
Поликлиники, детсады.
И колец – как лучей, как будто
Ветеранам под шестьдесят,
И ликующему кому-то
Тополя стеной шелестят,*

*И, немотствуя в отраженье,
Проржавевший скрипит шарнир:
Жив и дед в ледяной траншее,
И отец, объяснявший мир.
И, покрытый золой и пеплом,
Ты вернёшься, насквозь пробит,
К фотографиям чёрно-белым,
Где неистовый век трубит.*

Сергей АРУТЮНОВ

РОССИЯ

*Вот идёт она от шлагбаума
Мимо спящих в пыли дворян
Под мотивчика пошловатого
Примитивно тупой верняк,
В драных трениках, блёклой маечке,
Наблондинена, подвита,
И гадают бухие мальчики,
Где там ижица, где фита,*

*А не надо, заиндевелившие:
Под пшеничку взошла куколь.
Те стреляли, а эти вешали,
Только разницы никакой.
Здесь не росчерк, а фальшь факсимиле,
Как в салонах ни процедура:
Проступает печать насилия
Синяками сквозь поцелуй.*

*В Бургер-Кинге ли, Баскин-Роббинсе
Те же самые окружают,
Посочувствуют – оскоромился,
Присоветуют оранжад.
Но не слякотными обидами,
А лишаем на лишае
Дышит муза моя убитая,
Горевавшая лишь по мне.*

*Так давай же, крути, проматывай,
Заговаривай полухворь,
Этой кровушки цвет гранатовый,
Этой касочки – полевой.
Покажи нам вторую серию,
Муза русская, дуй в свирель.
Бедный дом наш, увитый зеленью,
Чем обугленней, тем светлей.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*Там, где жгут мои книги, выкрикивая «Ужо!»,
И за здоровье молятся там же, слегка поодаль,
Где для русских цыган я, а для цыган гаджо,
Ты, штатива не ставя, просто меня пофотографируй.*

*Будет мокрым асфальт и небо серым-серо,
Будто луч никогда не касался панельных секций*

*И над овощебазой только что рассвело
И заныло в груди хрящеватое солнце, сердце
ль.*

Здесь без разницы, кто ты, заводчик иль конокрад.

*Просто те ненавидят этих, и вся морока,
И туманно похожий на шестерню коловрат
Попирает кресты с ухмылкой оксюморона.
Говорят, постмодерн: зазеваешься – украдут
Или как-то иначе навалятся и обманут.*

Не тебя ли заждался в казённых дождях травмпункт,

Замерзая в унылых московских снегах, как мамонт?

*...Как тебе это фото, не слишком ли ярок фон,
Где за счастьем вселенским идут и идут ко-
лонны?*

*Это ль братья мои на первенстве мировом,
То черны, как смола, то, как вымя, бритоголо-
вы?*

*Но пока они эту раздвоенность усекут,
Можно сгрызть удила и умчаться в родные
степи.*

*Полукровкина участь расчислена до секунд:
Ни секунды единой ни с этими и ни с теми.*

Сергей АРУТЮНОВ

РУССКОЙ ВЕСНЕ

*От Заречья до самых Раменок,
Тех, откуда судьба звала
В социальную сеть ограбленных,
Отодвинутых от стола,
По апрельской земле коричневой
Ветры буйные распластав,
Отдает ледяной опричниной
Серый вереск погранзастав.*

*Как же будет – надолго ль, накрепко ль?
Европейский ли содомит
Нефтеугольной вспыхнет Африкой,
Снежной Арктикой задымит?
Не бубоны б теперь отыскивать,
Мертвых прадедов укорять,
А от скотства поправить изгородь,
И не наново – вдругорядь.*

*В этом городе, ломком, путаном,
Словно Отче Наш, заучу,
Светоносную степь над Бутовым,
Либеральную к сволочью,
Потому что Вселенной родственны
И чужим языкам горьки
Русских вёсен седые отсветы,
Звездапалые огоньки.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*Когда их жгли, в Москве была жара,
Струился воздух, плавилась кондеи,
И жизнь текла, едва полужива,
Почти такой, какой ее хотели,*

*Разрублено шипела рыба́я плоть,
Горячим спиртом жегся каждый продох
И силлся сознание пропороть
Больничны́й кафель в красноватых ромбах.*

*Поскрипывая в духе арт-нуво,
Катились дни, ленивы и прекрасны,
И не было среди них ни одного,
Кто был солдат и выполнял приказы.*

*Никто из них не грел щекой приклад,
Ушей не зажимал, не был спросонок
В чаду моторизованных бригад
На месте друга находя кроссовок.*

*Ветвей древесных зыбкие клешни,
И зябкий пух, и тени на фасаде
Познали мы в тот миг, пока их жгли,
И пламя тихо подступало сзади.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*Судьбу просиживая сиднями,
Не стали ни мудрей, ни старше,
Годами пляясь в небо синее,
Людской подверженное саже.
О, где ж ты, где ж ты, время летнее,
В каких запряталось новинах,
Когда покой – не привилегия,
Но достояние невинных.*

*Что раны? Резаным и колотым,
Смердеть им, под бинтами прея,
Как вестникам летать по комнатам,
Седые сбрасывая перья.
От клекотания и кликанья
Сползти бы в темень, будто аспид,
Пока земля, от крови липкая,
Стеной встаёт и тут же гаснет.*

*Готовься же. Клыки оскаливай,
Язык вывешивай багровый,
Пока над пустошью асфальтовой
Стожары грохают авророй,
И зной такой, что тухнут заводы,
Хоть освежителей попишай,
Когда бомжиха крестит ауди,
И крест восходит над бомжихой.*

*Так снарядите, препоясайте
Парных – и парных, и непарных,
Сцедив с души тоску по ясности,
Чреватую телами в парках,
Чтоб на визира пленке радужной
Запечатлелись в назиданье
И пикировщики над ратушей,
И хрип в расстрелянном седане.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

Теперь не до танцев, милая, не до песен.
Пока не в дыму мы, но роза ветров не с нами.
Война за стеной уже шепчет мне – будь любезен,
Забудь о себе, как турок в своем исламе.
Неужто придется вспомнить, чему учили?
Когда оглушат повестками в одночасье,
Останется залпом дёрнуть по мокаччине,
Друг в друга вдохнув – не жди меня – возвращайся.

Я так это вижу, словно прошло три года,
И ты отвлеклась, не дав никаких намёток
Писателям книг о гибели патриота,
Таких же, как я – несбывшихся, полумёртвых.
Смолчит обо мне и пепельный жар архивов,
Где тайн-то всего, кому проиграли Доджерс,
Не им повторять, от пламенных од охрипнув,
Ни имя моё, ни звание и ни должность.

Лишь тени моей не будет успокоенья,
Пока на ветвях, безвременьем закалённых,
Гневливее льва, священнее скарабея,
Не пискнет вороной раненый соколёнок –
Тогда средь аллей, златым сентябрём объятых,
Досаду неся чрез всю бытия порнушность,
Ты вздрогнешь с колец гортани до самых пяток,
И тихо пройдешь, на птицу не обернувшись.

Сергей АРУТЮНОВ

МОЕМУ ДОНБАССУ

*Прощаешь и содом, и запустенье,
Когда, истерзан бесконечным сном,
Недели две не в силах встать с постели,
Лежит январь, предсмертно невесом.
А день уже прибавился немного,
И, неба задымленного густей,
Скрипит заслонкой царствия дневного
Холодный свет зеркальных плоскостей.*

*И вдалеке, где отмели песчаней
Курантов, что фатально отстают,
Сквозь череду надежд и обещаний
Просвечивает некий абсолют.
И в дверь его уже не постучаться,
В сенях не снять вакульных черевик;
Гармония природы безучастна
К людским стадам и назначенью их.*

*Но чьей бы плотью дух не облакался,
В нем каждый атом вечно выжидал,
Когда отпавший примет, как лекарство,
Рябящего экрана высший дар
И тот язык, лепечущий суконно
Змеиные слова – «гноись, цовь»,
И колокол, подвешенный за горло,
Боднувший воздух и умолкший вновь.*

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

*Пристанционным дребезгом звуча,
То в лихорадке буйной, то в истоме,
Истаявшим, оплывшим, как свеча,
Долбил февраль окно моё пустое.
И тихий кашель, что царапал свод,
Напоминал так неопровержимо,
Что каждый семьянин рожден как скот,
И плесневелый хлеб – его вершина.*

*Среди судеб крикливых и кривых
Металась явь, плыла рассвета хорда,
И млечный путь, что ко всему привык,
Сочился неизбежностью ухода,
Крушил панели звуковой прибор,
И раззвонившись, словно к возгоранию,
Трамваи разгонялись по прямой,
Отпихивая фуру эскулапию.*

*Пережидая транспортный коллапс
И мглу Москвы, что ныне окаянна,
Гремел замками магазин колбас,
Поддельных, как улыбка Микояна.
А винный через дверь уже пылал.
Походками слепцов туда входили
Сражённые похмельем наповал
С культяпками в прогорклom никотине,*

*Хватали за рукав – куда спешим?
Но что бы ни ответил им двойник мой,
Февральской гопоте недостижим,
Кружился дух с возлюбленной энигмой.
И этим был обязан не стихам,
Тем более не старцам и сусаннам,
Но лишь тому, что горлом постигал
В лучах весны и счастье несказанном.*

Ирина БЕЛОКОЛОС

БЫВШЕЙ ПОДРУГЕ

*Как живётся, дорогая? Как там дышится –
В стольном граде златоглавом на Днепре?
Спится сладко? Вкусно естся? Умно пишется?
Безопасно в я-не-вижу-кожуре?
Отдала ли сына ты в «могилизацию»?
«Эсэмэсила» на танки и кевлар?
Носишь борщик на майдан и кормишь «нациков»?
И приветствуешь бомбёжки и пожар?
Как живёшь, подруга-экс? Какими думами?
Сбиралась в гости... Передумала, поди?..
Птицы мира бьются в кровь стальными клювами
Лишь бульжник глух в бестрепетной груди...*

Иван БЕЛОКРЫЛОВ

БАЛЛАДА О ПОНОМАРЕ

Памяти Сергея Журикова¹

*Полстраны накрыла чёрная хмарь,
Гонит с севера пожаров волну...
Как случилось, расскажи, пономарь,
Что ты взял да и ушёл на войну?
Сколько в Сумах походило с ума,
Чтобы пропасть между близкими рыть?
Киев пал, и под Черниговом тьма,
И во тьме нельзя про тьму говорить...
Осторожно положил свой стихарь,
И затеплил у иконы свечу,
И раскрыл тогда Господь свой букварь,
Показал Он, что тебе по плечу...
Мы тебя ещё помянем не раз...
Мы сгоревшие отстроим дома...
Посмотри же, Сергей, с неба на нас,
Чтобы в Славянске рассеялась тьма...
Знают все, когда ты пал, пономарь,
И уже не поднимался с земли –
Ты пошёл тропой небесной, как встарь
С Куликова поля иноки шли...
Там Ослябя ныне и Пересвет
Горних истин стерегут рубежи.
Если можешь, передай им привет,
То, как Славянск берегли, расскажи...*

1. Сергей Журиков, известный под псевдонимом «Ромашка», – командир подразделения народного ополчения Славянска, погиб 2 мая в ходе карательной операции киевской хунты, ранее служил пономарём Киево-Печерской Лавры.

Галина БЕРЕЗИНА

* * *

*Поутру, по огненному знаку
пять бронемашин ушли в атаку...
Стало чёрным небо голубое.
В полдень приползли оттуда двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
на руках снесли до медсанбата,
молча у носилок постояли –
и ушли туда, где танки ждали...*

Любовь БЕРЗИНА

* * *

*Собакою завыл снаряд,
Упал, взорвался.
И ты ушёл на небо, брат,
А я – остался.*

*Лежу, засыпанный землёй,
В крови и пыли.
Мы вместе уходили в бой,
Нас разделили.*

*Вверху – заплаты облаков,
И солнца дуло.
Не ветром – памятью веков
С полей подуло.*

*Там были те же облака,
И то же небо.
Убила братская рука
Бориса с Глебом.*

*Мне тополь, сбросивший наряд,
Главой кивает.
Один ушёл на небо брат,
Другой – стреляет.*

*И смотрит, от волненья бел,
Сквозь луг туманный
Мне прямо в душу сквозь прицел
Брат окаянный.*

Владимир БЕРЯЗЕВ

* * *

«И комиссары в пыльных шлемах...»

*Это путь от ножа до ножа,
До прорубленной танком межи,
За которой – плески «калаша»
На помин отлетевшей души.*

*Если против кого-то дружить,
Стиснув зубы, сцеплением рук...
Нам гражданскую не пережить,
Не утративши Родины, друг.*

*Обезлюдела русская степь,
Нет деревни в дали за рекой.
Если эта последняя цепь
Разомкнётся – не свяжем другой,*

*И тогда комиссары ЕС,
К мёртвым лицам безусым склонясь,
Разверстают Московию без
Нас – уже ничего не боясь.*

Никита БРАГИН

* * *

*Принеси же из стольного Киева
крестик медный, крупинку святыни,
и судьбиной своей обреки его
на дороги, просторы, пустыни,
и на север, в леса заповедные
отправляясь путем всей земли,
сохрани, как молитву заветную,
и печали свои утоли.*

*И когда совершится неправое
расторжение крови и веры,
и когда над Печерскою Лаврою
в грозной хмари завоют химеры, –
ничего не добьются преступники
в черном аде костров и костей,
потому что душа неприступнее
всех утесов и всех крепостей.*

*Потому что ни кровью, ни копотью
не замазать пресветлого лика,
и бесовскому свисту и топоту
не прервать литургии великой, –
не бывает Господь поругаем,
и во тьме не смеркается свет...
Помолись за спасенье Укра́ины,
даже если спасения нет.*

Максим БУРДИН

* * *

*Иногда, возвращаясь с прогулок,
пропитанный воздухом своей Родины,
я представляю, что попал под пули,
под удары снарядов «Град». Вроде бы
выжил. Лежу в крови, задыхаюсь, сглатываю;
боль пронзает все тело – так явственно...
Хочется мне надеть форму парадную,
такую же, в какой хоронят ангелов из Славян-
ска.*

*Фильм о трех сотнях спартанцев мы все виде-
ли.*

*История повторяется, но эти парни
вдруг встали перед серьезным выбором,
из простых рабочих превратились в профес-
сиональную армию.*

*Один против тысячи, тысяча против сонма;
каждый*

из них находится на волоске от смерти.

*Вы посмотрите, как шутят они бесстрашно,
под минометным обстрелом. Черти –
те, которые пришли к ним с мечом, а не те,
что*

*водятся в мифах разных народов мира,
уверенны в своей победе: и, конечно,
уверенны в том, что за ними правда, ведь за
ними – сила.*

*Пусть эту мысль размусоливают и тешат
ею свои головы, глотки – пусть скопом пиру-
ют!*

*Ангелы из Славянска – не орел и решка,
не монетка, выброшенная под пули.*

Ангелы из Славянска – это плеяда героев новых.

Это, возможно, ты, или я, или твои знакомые...

*Это люди, не захотевшие надеть оковы,
которые предпочли оковам венцы терновые.*

И они погибают. Но отчетливо слышно из уст их:

*«Коломойский, Порошенко, Ярош, Тягнибок,
уже с вами,*

я родился русским, был русским, и я умираю русским.

Потому победим. Русские всегда побеждают!»

Александр ВУЛЫХ

ЕЩЕ РАЗ О ПОКАЯНИИ

*Пока еще не прожит век,
И водка пьется без закуски, –
Покайся, русский человек,
За то, что ты родился русским!*

*Покайся, вены вскрой гвоздём,
С горилкой поцелуй бутылку,
Потом, как Троицкий Артём,
В эстонскую отправься ссылку,*

*И бей себя по голове
Руками до остервененья
За то, что в городе Москве
Ты жил до этого мгновенья,*

*За то, что Путина под суд
Не отдаешь ты каждый вечер,
За то, что «боингу» маршрут
В могилу проложил диспетчер,*

*Ты – русский, значит – виноват,
Что даром газ не шлешь в Европу,
Что ты, несчастный колорад,
Пиндосов не целуешь в жопу,*

*Что нагло Крым украл, и вот
Не выполнив обам приказы,
Шестой американский флот
Остался без военной базы!*

*Ты виноват во всех грехах,
Которыми смердит планета, –
Поскольку на твоих руках
Лежит ответственность за это!*

Максим ЗАМШЕВ

* * *

*Не хочу я, чтобы Балаклава
Логовом стала чёрта.
Не хочу я, чтобы наша слава
В море тонула Чёрном.
Не хочу я, чтобы сны без веры
Были полны печали.
Не хочу я, чтобы псы Бандеры
Русскую кровь лакали.
Что я хочу?
Чтобы наши танки
Плыли дорогой лунной.
Что я хочу?
Чтоб убрались янки
Снова в свои салуны.
Мать городов русских – вечный Киев,
Где твоя статя и гордость?
Ты не грусти, мы тебя не кинем,
Шаг наш, как прежде, твёрдый.
С нами Господь, справедливость с нами,
Жизнью живём былинной,
Чтоб на Майдане сияло знамя,
Общее с Украиной.*

Игорь КАРАУЛОВ

* * *

*«Назовите молодых поэтов», –
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.
Кто в библиотеках, кто в хинкальных
а они – поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне.
Минометных стрельб силлабо-тоника,
рукопашных гибельный верлибр.
Сохранит издательская хроника
самоходных гаубиц калибр.
Кровью добывается в атаке
незатертых слов боезапас.
Хокку там не пишутся, а танки
Иловайск штурмуют и Парнас.
Не опубликуют в «Новом мире» их,
на «Дебюте» водки не нальют.
Но Эвтерпа сделалась валькирией
и сошла в окопный неуют.
Дарят ей гвоздики и пионы,
сыплют ей тюльпаны на крыло
молодых поэтов батальоны,
отправляясь в битву за село.
Есть косноязычие приказа,
есть катрены залповых систем,
есть и смерть – липучая зараза,
в нашем деле – главная из тем.*

Виктор КИРЮШИН

ДОНБАСС 2014

*Срезана пулей рябины макушка,
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт.
И кукует кукушка.
Дни или годы считает она?
Может, вот здесь, у разбитой котельной,
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся, и крестик нательный,
Мамой подаренный, не сохранит?
Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напорочила мне?
Молча шагаем леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой, с таким же заветным,
Мамой надетым нательным крестом?*

Ирина КОВАЛЕВА

УКРАИНА

Устраняя всех мыслящих ино-,
Затыкая им пулями рот,
Бес железным прутом, Украина,
Гонит в пекло твой бедный народ.
Хочет им, как фигурками нэцке,
В адский ящик сыграть на «ура».
В Краматорске, Луганске, Донецке
Кто-то не доживет до утра.
Чтоб тебя, с рушником на тарелке,
Грозди шин, баррикад оргалит
Проглотить, на одесской горелке
Сорок душ, как в Дахау, спалить,
Беспредел мирового приматства
Утверждая от дома вдали,
Чтоб, забыв про славянское братство,
Все кричали: «Хохлы!» – «Москалы!»
Кто не скачет – тем двигают козны:
Смерть смешать им, в бутылки разлить!
Бесы братоубийственной розни
Спят и видят, как нас разделить.
Но пойдут они полем и лесом
Дров, наломанных ими, и пней:
Ведь вражда, возбуждённая бесом,
Богом данной любви не сильнее!

Алексий КОСМОС

* * *

*Горит земля в дебальцевском «кармане»...
Здесь мой рубеж! Здесь Родина моя!
Я сотни раз умру на поле брани –
И сотни раз воскресну снова я!*

*Да, я – бессмертен! Я ведь русский воин!
Да, я – герой! И дух мой – как броня!
Я – победитель! Я по-русски скроен!
Здесь мой рубеж! Здесь Родина моя!*

*Наступит мир – и снова мы вернёмся
К обычной жизни – шахты и поля!
И, видит Бог, счастливо улыбнёмся:
Здесь – Русский мир! Здесь – русская земля!*

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

* * *

*Я была ученицей примерною,
Вместе с сотней других детей
О войне, как и вы, наверное,
Знала только из новостей.*

*Я не знаю, всех ли увижу я
Этой осенью снова за партами:
Расплатились многие жизнями
За судьбу политической карты.*

*Я не знаю, какими законами,
По каким таким чёрным правилам
Нас, родные когда-то народы,
Ненавидеть друг друга заставили.*

*Вновь попросят писать сочинение.
Как же я провела это лето?
Я в слезах, с комом в горле, волнением
В своих мыслях ищу просвета.*

*Мне о чем написать с красной строчки?
О подвалах, где мамы нас прятали?
Шуме танков и днём, и ночью?
Лужах крови, что с раненых капали?*

*Написать, может, в красках о взрывах,
Диком страхе, про минный обстрел?
Про молитвы «спастись!» в перерывах,
И о тех, кто спастись не сумел?*

*Спи, страна! Без попыток проснуться
Угодила ты в злые сети,
Никогда к тебе не вернуться
Поседевшие в детстве дети.*

*Ну, а я, обычная школьница,
Сочинением увлечена,
Здесь пишу, чтобы вам запомниться:
«Моё лето украла война!»*

Марина КУДИМОВА

ВАТНИКИ

*Посылает война соратника,
Но щедрота её кратка.
Из разведки четыре ватника
Возвращались без «языка».*

*Не контрактники и не штатники,
Не прошедшие инструктаж,
На манер пропаганды – ватники,
Хоть обряжены в камуфляж.*

*Ночь не треснула перестрелкою
И с врагом не столкнула в лоб.
Ватник держит осколки мелкие,
А от крупных спасёт окоп.*

*По дороге от виноградника
До ближайшего блокпоста
Убедились четыре ватника,
Что небесная ткань чиста.*

*На лоскутья она не делится,
А поделится – вмиг сошьют.
Только шёлковой зыбью стелется,
Как спасательный парашют.*

*Нет у междоусобий линии,
Смерть минувшего не вернёт,
Плащаницею этой синею
Тело жёсткое обернёт.*

*Как здесь танки понаворочали –
И куда лежать головой?
Кровью мокнет по Новороссии
Чернозём её даровой.*

*Над донецкою степью пуганой
Кропивянка поёт судьбу.
Ватник пылью пропитан угольной –
Не смывается и в гробу.*

*Кровь пробьёт покрова холстистые,
Запечётся – не разорвут...
Это «русскою реконкистою»
СМИ речистые назовут.*

Бабка ЛИДКА¹

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНСКА

*Знаю я, что будет дальше,
как продлится этот час:
вы детей убьете наших,
хорошо, что только раз.
А потом придет хана вам.
Время – сеять, время – жать,
по оврагам и канавам
снова мертвыми лежать.
Вперемешку, вместе с нами,
адский впитывая зной, –
с дочерями, сыновьями
бывшей Родины одной.*

1. Бабка Лидка (Лидия Степановна Купцова) родилась 3 января 1941 года в Омске. Родом из амурских казаков. Училась в культпросветучилище. В конце 60-х два года специализировалась на выпуске швейных изделий (ватники, рукавицы). Разнорабочая. Без определенного места жительства. Православная.

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ

* * *

*а вдруг это не я убита под Донецком
в овраге у куста роса на волосах
и кофточка моя и рюкзачок простецкий
и мой нательный крест и стрелки на часах
стоят на пять ноль пять как раз сверкнуло
солнце*

*когда снаряд влетел в отцовскую «газель»
что ж не прикрыли нас герои обороны
что ж дали помереть среди родных земель
да вон они лежат вповалку кто как падал
с простреленной главой с распоротым ну-
тром*

*а с краю я тычком с пригожим парнем рядом
иваном василём георгием петром
и это я добыть семье воды и хлеба
не смогшая опять в халупе ледяной
лишь об одном молю безжалостное Небо
пускай они умрут в единый миг со мной
и это тоже я весь покалечен катом
стою под минный вой на проклятом мосту
а смерть в лицо орёт давай отборным матом
меняй скорее жизнь на лучшую на ту
и старики чей мир опять войной разорван
погибшие в боях отцы и сыновья
и матери в слезах и дочери по моргам
все эти люди я
все эти люди я*

Светлана МАКСИМОВА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ. АВГУСТ-2014

Посвящается моей маме в Донбассе

1.

*И смотрю, запрокинувшись, долго я
в небеса и глаза предвечерние...
Пахнет яблоком белое облако –
это, матушка, Преображение.*

*Пахнет яблоком белое облако
над Украиной, когда-то радужной.
Через поле оплавленный колокол
черным яблоком катится, матушка.*

*И не знает, кому довериться –
звонарю, иль блуднице яростной.
А густое цветенье вереска
пахнет яблоком, пахнет райским-то*

*тем соблазном в тиши пожарища,
где целует беда в уста...
Мама, в косы вплети, пожалуйста,
мне лишь райские ветры августа,*

*А не эти, что пахнут порохом,
на лету поджигая аиста...
Через душу оплавленный колокол
черным яблоком катится...катится...*

*Между верою и неверием
разрывается это яблоко.
Мама, мама... Раскрыла двери ты
В пламя праздника и... заплакала...*

2.

*Другу поэту, который ушел на войну
в степи, где я выросла пацанкой упрямой,
верю ли я? А кому еще верить? Кому?!
Как пережить невозможную эту вину –
то, что я здесь, ну а мама моя... Ну, а мама...*

*В праздник пресветлый Фаворского света звоню
старенькой маме, чтоб голос хотя бы услышать.*

*«Преображение нынче», – я ей говорю.
Слышу в ответ – рев снарядов над крышей.*

«Ну, ничего, – отвечает, – что людям, то й нам.

*Ты не волнуйся, мы здесь отсидимся в подвале.
Это война...»*

*А зачем она эта война,
Старая мать понимает едва ли.*

*Помню, сказала: «Куда я поеду, куда?..
Это мой дом – здесь и справят однажды поминки.*

*Здесь рушником расцвела речная вода.
Ну, а теперь нет ни капли во рту, ни росинки...»*

Это так больно, что боль не сложить мне в слова.

*Это так больно, что боль прерывает дыхание.
Эта страна обезумела, словно вдова,
что посылает своих сыновей на закланье.*

*Эти гробы, что приходят с обеих сторон...
Чья в них победа, ответь мне, и чье поражение?*

*Этот огонь... Эти стаи орущих ворон...
Преображенье твое, Украина,
преображенье.*

Ева МЕРКУРЬЕВА

* * *

*Мирные граждане в мирной столице.
Мирные каски. Мирные лица.
Мирно ведут себя. Мирно бастуют.
Мирно дерутся и протестуют.*

*Тем, кто не мирный, нету здесь места.
Мирные лозунги мирных протестов.
Мирно пинают мирные ноги
Тех, кто попался под них на дороге.*

*Всё очень мирно, бело и пушисто.
Мирные шествия мирных фашистов.
Мирные факелы. Мирный Бандера.
В Киеве мира – без счета и меры.*

*Утром туманным и темною ночью
Миролюбивый Майдан мироточит.
Мирно пьет чай. Мирно требует сыра,
Кофе, лимонов, уборки сортиров.*

*Каждую пятницу с миром под вечер
Повода ищут для мирного вече
Мирные «дети» в черных террорках.
Мирные цепи для мирной «разборки».*

*Мирная ненависть к просто прохожим,
Да и к водителям ненависть тоже.
Все, кто за гранью майданного бунта –
«Тушки», «титушки», «банда» и «хунта».*

*Думал ты, «мир» – это пение скрипки,
Солнце, объятия, цветы и улыбки?
Как бы не так! Мир теперь с кулачищем,
Дышит он злобой и ложью он свищет.*

*Мирный Майдан, он не сеет, не пашет –
Мирно поет. Мирно бьет. Мирно пляшет.
Мирно блокирует. Ты несогласен?
Значит, «титушка». Значит, опасен!*

*...Мирный Майдан заелозил до дыр
Слово когда-то хорошее – МИР.*

г. Харьков

Альгис МИКУЛЬСКИС

* * *

*Растекаюсь по древу дней огнехвостой мыслью,
Как цыкуну, взахлёб, новостные порталы пью.
Потому, что живо каждое утро единой мыс-
лью:*

«Украина! Как ты? Скольких сегодня убьют?..»

*Украина... Прибитый пылью жаркий цветок-
подсолнух,*

*Сон из детства – я к лучшему в мире морю бегу
в Крыму...*

*Расскажи мне, родная, какой же безмозглый
олух*

Распинает тебя? Расскажи мне, я всё пойму.

*Да, я всё пойму. Вот приму ли только? Не обе-
щаю –*

*Очень страшно плутать в закоулках майда-
нов, войны, хулы...*

*Я умею прощать, но убийц твоих – не про-
щаю.*

*Что ж творите вы, вечные братья мои – хох-
лы???*

Неизвестный автор

СТОЯЛИ МАЛЬЧИКИ – СТЕНОЙ...

*Стояли мальчики – стеной,
Пока парламентская стая
Страну делила меж собой,
О привилегиях мечтая...
Стояли в дождь, стояли в снег,
Стояли – под плевком и матом,
Стояли – им нужнее всех...
Стояли, ведь они – солдаты.
В который раз – в навоз по бровь...
Прикрыв собою дармоедов,
Стояли – почернев лицом,
До чьей-то Пирровой победы...
Стояли – намертво, как встарь.
Стояли – не жалея тела.
Горели – факелом живым
Проплаченного беспредела.
Стояли – до седых висков.
До лживой похоронной тризны
Мои сыны – родная кровь
И пасынки своей Отчизны.
Их предавали – сотню раз
И снова – предадут суды.
Стоял наш «Беркут» и спецназ.
Стояли мальчики – как чудо.
А вместе с ними, под Крестом
Молитвою и Духом – вместе –
Три инока вели свой бой,
Как офицеры высшей чести.
И если кто-то переврет –
Сама сложу о них былины.
Героям слава – это им,
Святым страдальцам Украины.*

Неизвестный автор

* * *

Мама, не плачь! Я незримо с тобой буду рядом...

Я ведь совсем не боялась, когда разорвался снаряд.

*Дядя, который стрелял... Ему дали награду?
Он же был рад, что убил меня, мамочка? Рад?..*

Я ведь смотрела – потом – как он ест и смеется...

*Очень большой, но ведь был он когда-то, как я...
Даже не знает, что скоро снаряд разорвётся –
И по нему будет плакать родная семья...*

*Мне было шесть... Я уже никогда не узнаю,
Может ли мир этот стать хоть на каплю добрей?*

Мамочка, только не плачь! Потому что твоими слезами

Не утолить эту жажду – как кровью моей...

Неизвестный автор

УКРАИНЫ БОЛЬШЕ НЕТ!

*Украины больше нет!
В ноздри – гарь сожжённой плоти,
Под прицелом адских сотен
Содрогнулся белый свет.
Украины больше нет!
Больше нет и украинцев –
Лишь каратели, убийцы...
Жёлто-синий жуткий цвет.
Украины больше нет!
Галичане есть, фашисты,
Есть безумцы, есть баптисты.
От людей – лишь силуэт.
Украины больше нет!
Только боль другим и горе
В геноциде и терроре.
Только мука! Только бред...
Украины – больше нет!!!*

(Одесса, май 2014 г.)

Неизвестный автор

ПРИВЕТ ИЗ ДОНБАССА

Привет вам – всем тем, кто стрелял в безоружных

Привет вам – всем тем, кто стрелял в беззащитных...

Да, нет, извинений не нужно... Не нужно!

Теперь всё по-честному... Будем же квиты.

За детское сердце! За слёзы старухи!

За крик матерей! За мозги на асфальте!

За город, оставленный в полной разрухе!

За вопли предсмертные: «Нет!!! Не стреляйте!..»

За эти кровавые вязкие лужи!

Теперь всё по-честному... Будем же квиты!!!

Уже извинений не нужно... Не нужно.

Вы сделали всё, как хотели, «цэ ж диты».

Приветы с Небес посылают кошмаром

(Вы спите ночами, скажите, убийцы?)

От тех, кто был «съеден» одесским пожаром,

От Тани с фамилией Перепелица,

От Юли Изотовой, парня с Донбасса...

От всех ополченцев привет вам особый...

За что вы стоите??? За «чистую расу»?

(А мы вот сегодня стояли... у гроба...)

От деда, которому дом разбомбили,

А он, между прочим, ещё помнит немцев...

Приветы от всех, кого нагло убили,

Приветы всем снайперам, «скинувшим» в сердце...

Приветы полковникам и генералам...

Отдельный горячий привет президенту
(Его Украина такого не знала –
В кровавой обёртке со сладким акцентом...)
Привет батальонам карателей ваших,
Что здесь убивают без счёта и смысла, –
От Димы, Никиты, Тамары, Наташи –
Для них навсегда останолены числа...
Привет вам большой от Леонова Коли...
(Таким бы стране полагало гордиться...)
Какое количество адовой боли
Вы нам ежедневно несёте, убийцы!
За что вы воюете? Ну? По секрету?
«Едына краина»? Признайтесь же, черти!
Да что говорить... Оправдания нету ...
Не врите! Не врите... Единство – не в смер-
ти!!!
Привет вам – всем тем, кто стрелял в безо-
ружных ...
Привет вам – всем тем, кто стрелял в безза-
щитных...
Да нет... Извинений не нужно... Не нужно !
Теперь всё по-честному. Будем же квиты
Теперь всё по-честному. Вы допросились!!!!
Стреляем ответным. Не надо: «Простите!»

Неизвестный автор

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЛЕНТА

*Я держу в руках из шелка ленту;
Много есть на свете разных лент,
Эта ж лента – тянется по свету,
Вьется двести тридцать восемь лет,
Вся она – хоругвь на поле брани,
Покрывающий от смерти плат,
Только эту горькими слезами
Омывают матери солдат,
Только эта залита кровями
На рамена взявших смертный бой,
Только эту величают «Знамя» –
Знамя Победивших в Мировой;
Эта лента – память лихолетий,
Окропленных кровью тех солдат,
В сорок первом – павших, в сорок третьем –
Гордо отстоявших Сталинград.
Вящая военная святыня
Реет пусть над сердцем у меня –
Лента цвета пламени и дыма,
Лента цвета дыма и огня.*

Алексей ПОЛУБОТА

* * *

*На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.
Один – славянин ополяченный.
Другой – воин светлой Руси.
В краине, усобьем охваченной,
Пощады теперь не проси.
И вот, чёрной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними – пропеллеры
Рокочут и мечут огни...*

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

* * *

Откуда берутся силы
У загнанных в пустоту?..
«Верни нас домой, Россия!» –
Кольшется на ветру.
Так гибнувший в море кто-то
Шлёт крики радиограмм,
Так в детских домах сироты
Тайком выкликают мам...
Взлетела с трезубца, каркнув,
Багровая стая крыл,
Чтоб вздрогнул Донецк и Харьков,
И чтоб захлебнулся Крым.
Славянская твердь качнулась,
Но как от дурного сна –
Россия моя очнулась,
И вспомнила – кто она!
И вспомнив свои народы,
Плечом повела в ночи
И пылью стряхнула годы
Сидения на печи.
Под бешеный вой и клёкот
Раздвинула правдой ложь,
Крутой распрямила локоть
И выдохнула: «Не трожь!..»
Вибрирует ось земная,
Как будто перед войной...
И слышится вновь: «Родная,
верни нас к себе домой!..»

Анна РЕВЯКИНА

* * *

*Глупенький мальчик берёт автомат и уходит
в город,*

*этой весной весны не случилось, и лето в кло-
чья.*

*Мальчик, тебя обманули, в лицо твоё вьестся
порох,*

и ты не отмоешься ни сердцем, ни оболочкой.

*Будешь прихрамывать, в храм заходя на Пас-
ху,*

*мелко креститься под куполом, ставить све-
чи.*

*Думаешь, снявши маску, ты снимешь маску –
ту, под которой ты был так бесчеловечен?*

*Глупенький мальчик, твой велик стоит в са-
рае,*

он тебя ждёт, седлай его, стань, как прежде.

Мальчик мой, ты погибнешь, не умирая,

как только наденешь с чужого плеча одежду,

*как только твой палец сделает первый вы-
стрел*

в другого такого же мальчика в камуфляже.

Запомни его, это ты погасил в нём искру.

Об этом тебе не скажут на инструктаже.

Запомни его, он теперь тебе станет другом,

*другом по смерти – насильственной, без воз-
врата.*

*Глупенький мальчик, я знаю, что ты напуган,
но это не повод быть мальчиком с автома-
том.*

Ирина САМАРИНА

* * *

*Простите нас, родные россияне,
Пока ещё вращается Земля,
Мы братьями вам быть не перестали,
Вас предала не Родина моя,
Не люди, что на площадь выходили,
Пытаясь наболевшее сказать,
А те, кто нашу Родину купили,
Купили, чтобы выгодно продать.
Правители приходят и уходят,
Кого-то помнят долго и добром,
Но комом каждый президент выходит,
Как первый блин, в моем краю родном,
Нас ссорили с экранов и смеялись,
Что разругались братья в пух и прах,
Но верим, мы в душе людьми остались,
И понесём друг друга на руках;
Когда из нас кого-то ранят в спину,
Не будем о гражданстве вспоминать,
Я верю, что не может Украина
На братские народы наплевать.
Простите нас, что вас не пропускаем
На собственных границах, как врагов,
Простите, что каналам доверяем,
Где нас считают всех за дураков,
Показывают войны, истерию,
И получают в долларах паёк.
Но нету Украины без России,
Как без ключа не нужен и замок.
Мы все – одна семья, пусть разругались,*

*Но ссоры ведь случаются в семье;
И главное, чтоб мы людьми остались,
А не зверьми, готовыми к войне
За землю, за туманные идеи,
Забыв о том, что детям нужен мир!
Я думать по-другому не умею,
А мы для власти нашей просто тир,
Хотят – на нас же армию направят,
Хотят – на воздух нам введут налог;
Но разлюбить Россию не заставят,
Пока мы вместе – с нами Бог!*

Игорь СВЕЖЕНЦЕВ

* * *

*Наступает Русская весна,
Тёплый ветерок летит над пашней.
Крым вернулся, Крым отныне – наш.
Украина тоже будет нашей?*

*В Киеве беснуется майдан,
Свидомиты прыгают всё выше.
А Донбасс сказал себе: «Айда!» –
Повернулся, плюнул, взял и вышел.*

*В Вашингтоне, брызгая слюной,
Злятся от того, что так бывает.
Нас уже не запугать войной,
И Россия снова наступает.*

*Наступает Русская весна,
К прошлому не может быть возврата,
В том что мир становится другим
Украина тоже виновата.*

Вадим СТЕПАНЦОВ

ИЮЛЬСКОЕ

*Вокзальчик поселковый за Окой,
Жарища, рельсы, шпалы и платформа.
А я стою и думаю с тоской,
Что где-то чуть южнее – точь в точь такой,
Что там снаряд упал – и это норма.
Снуют электровозы день деньской,
И здесь, и в ближнем параллельном мире,
Где дважды два сегодня не четыре,
Где люди даже не мишени в тире,
А пешки над пустеющей доской,
И Гулливер небрежною рукой
Играет там в чапаевские шашки.
Героям – слава, им уныл покой,
Им слово «мир» рифмуется с тоской.
Горите, мрите, пешки и букашки!
Глаза зажмурю и встряхну башкой,
Чтоб уплыла нездешняя картинка:
Вот дед упал с оторванной рукой,
Вот пол-бабульки с треснувшей клюкой,
Хрипит в крови девчонка-буратинка...
Вокзальчик поселковый за Окой,
Такой уютный, тихонький такой,
Пригрелся бомжик, ивушка кудрява.
Я угандошу этой вот рукой
Того, кто крикнет здесь: «Героям слава!»*

Георгий СУДОВЦЕВ

* * *

**«И се конь блед и сидящий на нем,
имя ему Смерть».**

Откр. VI-8

Жизнь, как известно, богаче
Наших представлений о ней.
И пусть побежденный плачет:
на войне – как на войне!
Даже если – гражданская,
если на брата – брат...
Что там: Донецк с Луганском,
или Киев со Львовом братья?
А по-другому – не будет,
третьего – не дано.
Плоть называют люди
хлебом, и кровь – вином.
И разрывают на части,
И проливают рекой...
Алчут богатства и власти,
Но обретают – покой.
Видишь, с Майдана скачет
Всадник, и конь его блед.
Жизнь, как известно, богаче...
А насколько богаче – смерть?

Константин ФРОЛОВ

НЕ БУДИТЕ РУССКОГО МЕДВЕДЯ!

*Милые заморские соседи,
Сытые, вальяжные, как боги,
Не будите русского медведя.
Пусть он мирно спит в своей берлоге.*

*Не мешайте царствовать и править,
Есть и пить, покуда сердце бьётся.
Вы себе не можете представить,
Чем для вас всё это обернётся!*

*Вы уже не раз его пинали,
Унижали, посыпали пылью,
На Голгофе русской распинали,
Жгли огнём и в проруби топили.*

*И когда уверенность в победе
Доводила вас до сладкой дрожи,
Рык утробный русского медведя
Раздавался вдруг у вас в прихожей.*

*Что ж вам, братцы, дома не сидится?
Так и тянет, прилетев на запах,
Щедрую российскую землицу
Взять и отобрать у косолапых!*

*Сколько лет мыслишкой лукавой
Ваши переполнены газеты,
Мол, «какое мы имеем право
На одну шестую часть планеты!?!»*

*Мы сюда пришли по Божьей воле,
Честь свою ничем не замарали.
И не вам судить о нашей доле!
Мы своё богатство не украли.*

*Наши нерушимые основы –
Паруса да звонкие подковы,
Беринги, Хабаровы, Дежнёвы,
Ермаки, Поярковы, Зайковы.*

*Дамы, господа, синьоры, леди,
За черту ступая ненароком,
Не дразните русского медведя:
Ваше баловство вам выйдет боком.*

*Вы его обманете стократно,
В кабаке обчистите до нитки,
Ведь у вас любая милость – платна,
Ваши боги – золотые слитки.*

*Ваше кредо – разделяй и властвуй,
Ваша правда – это правда Силы.
Вы привыкли восседать над паствой,
Неугодных одарив могилой.*

*А вот русский в каждом видит брата,
Не приемля скарედность и лживость.
Для него всего важнее – Правда,
А всего дороже – Справедливость.*

*Потому со дна любого пекла,
Где никто другой не сможет выжить,
Русский вдруг поднимется из пепла,
Из трясины и болотной жижи.*

*Выветрит угар кровавой битвы,
В чистом роднике омоет очи,
Пред иконою прочтёт молитвы...
И придёт к вам в дом однажды ночью.*

*Весь пропахший порохом и кровью,
Повея вокруг усталым взором,
Он замрёт у вас над изголовьем
И в глаза посмотрит вам с укором.*

*И пока вы свет не погасили,
Спросит он, бывшее подытожив:
– Ты зачем пришёл ко мне в Россию?
Или я тебе чего-то должен?*

*Вы поймёте, что пришла расплата.
Но платить, как оказалось, нечем.
Русский бы простил, наверно, брата.
Только ж вы – не брат ему, а нечисть.*

*И душонку, сжавшуюся в плоти,
Теребя под хмурым взглядом гостя,
Вы тысячекратно проклянёте
Глупую идею «Дранг нах Остен».*

*Жаждущие новых территорий
Для бейсбола, регби или гольфа,
Почитайте парочку историй
Про Наполеона и Адольфа.*

*Поумерьте пыл парадной меди!
Отвечать за глупости – придётся!
Не будите русского медведя.
Может быть, тогда и обойдётся.*

25.10.2014

Александр ХАБАРОВ

ОГОНЬ

*Меня сожгли на юге Украины,
Мной, как золой, посыпали руины
и срезы ядовитого жнивья.
Но я не растворился, не распался,
Мой скорбный дух не умер, он остался
В пространстве мирового бытия.*

*Давно готовы крылья для полета,
Мне ангел дал огонь для огнемета
И черный шлем небесного бойца.
Вожу прицелом по суконным спинам,
Ищу тебя, пропахшего бензином,
Ведь я тебя запомнил, подлеца!*

Татьяна ЧЕРТОВА

* * *

*На Сибирь опустился сон.
Шелестят тополя листвою.
Поднимаются в небосклон
Звезды мирные – за луной.
За стеною соседи спят,
И не сходит никто с ума,
А в Донецке – по детям «Град»,
А в Луганске – горят дома.
Самолеты летят бомбить,
Не кого-нибудь – свой народ.
И убийцы идут убить:
«Кто не прыгает – тот умрет!»
Бьют нещадно, со всех сторон.
И когда-нибудь спросят нас –
За спокойный вот этот сон,
За сожженный вчера Донбасс.*

Дмитрий ШАРКО

* * *

Он видел в прицел ту белую хату,
В которой засели сепаратисты,
И был готов зачистить её
В один только точный выстрел
Но вдруг услышал в своём шлемофоне
Голос совсем незнакомый:
«Сашка, Сашка, за что ты гонишь меня,
За что творишь беззаконье?
Ведь я хочу – всего лишь, как ты, –
Свободно жить в собственном доме
Ведь я хочу – всего лишь, как ты, –
От жизни достойной доли
Но я не приехал в твоё село,
В твоё село под Черкассы,
Но я не убил, Сашко, твою мать,
Как ты мою на Донбассе.
Сашка, Сашка, за что и зачем
Сегодня ты убиваешь меня?
Сашка, Сашка за что и зачем
Завтра убьют и тебя?»
И он выстрелил в поле, сдал машину назад,
А потом потерялся у своих командиров,
И работает Сашка на стройке теперь –
На стройке в Москве бригадиром
Радуйся, Радуйся, человек!
Радуйся, Радуйся – ты живой.
Радуйся, Радуйся – ты не вечен.
Радуйся, Радуйся – Бог с тобой!

Оксана ШКОДА

СЛАВЯНСКИЙ ИЗЛОМ

*...И снова – бой. Славянск дрожит от взрывов...
Жить долго приказала тишина.
Но мы назло врагу остались живы,
Хоть наших двух отметила война...*

*Летит снаряд. Прямое попадание.
Вокруг – огня и дыма пелена.
Не все вернулись к нам со спецзаданья –
Их там троих отметила война.*

*Бьют гаубицы, миномёты свищут,
Вот птичья стая падает в пике...
Шальные пули целей здесь не ищут,
Их цель – в окне, в стене, на чердаке...*

*Пожарищем горит закат кровавый...
Витает «сушка» в дебрях облаков,
Выискивая Украине «славы»
Средь гибели детей и стариков.*

*...Уж полночь. Но всё дрожит от взрывов.
Свинцовый шлют привет с Карачуна...
Дай Бог, чтоб мы к утру остались живы,
А поутру закончилась война...*

22 июня 2014 г., Славянск

ЛИКИ

В данном разделе представлены не только стихи признанных мастеров русского поэтического слова, но и материалы, связанные с их творчеством и так или иначе затрагивающие темы взаимодействий внутри Русского мира, отношений между Россией и Украиной: прошлых, настоящих и будущих. Во избежание любых споров и недоразумений, тексты представлены в алфавитном порядке фамилий поэтов.

Всеволод ЕМЕЛИН

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ

*Разгулялась фашистская сволочь
Беспрепятственно рвется из жил
В Межигорье притих Янукович
«Беркут» черные крылья сложил.*

*Понастроили там баррикады
Запалили десятки костров
Как кругами из дантова ада
Опоясали мать городов.*

*Только встал на пути у бандитов,
Когда власть охватил паралич,
Одинокий москаль из гранита
Храбрый Ленин Владимир Ильич.*

*Эти полумонгольские скулы
И сократовский лоб вырубал
Выдающийся скульптор Меркуров,
Чтоб украсить Шевченки бульвар.*

*Ленин всюду фашистов пугает,
Он погромщиков видит насквозь –
И на шее рукой негодяя
Был затянут промасленный трос.*

*Повалили на землю скульптуру,
Проявив правовой нигилизм.
А потом, окруживши фигуру,
Учинили над ней вандализм.*

*Замолчало великое слово,
Расколосся карельский гранит.
И вот статую вечно живого
Всевозможная нечисть сквернит.*

*Его били какой-то железкой,
Издеваясь над трупом врага.
Он внесен в каталоги ЮНЕСКО
Хотя нет, не внесен ни фига.*

*Торжествует под черною маской
Ненасытная месть палача.
Но молчат комбинаты Луганска,
И донецкие шахты молчат.*

*Вот уже продают на базаре
Части тела его, кисти рук.
Но позорно молчат пролетарии,
Хоть он был им товарищ и друг.*

*Равнодушья, мещанства и лени
Непосилен чудовищный груз.
Нет, не скоро поднимут колени
Украина и братская Русь.*

*Все равно в суматохе явлений
Мы вернемся на правильный курс
На бульвар – восстановленный Ленин
Украина – в Российский союз!*

Всеволод ЕМЕЛИН

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

*Собирались ополченцы
В православные полки,
Осетины и чеченцы
И донские казаки.*

*Поднимались добровольцы,
Никому не ведом страх.
Пусть трепещет Коломойский,
Украинский олигарх.*

*На иконе образ Спаса,
Вьётся множество знамён,
Провожают из Донбасса
В бой ударный батальон.*

*Шаг чеканила пехота,
На плечах своих несла
РПГ и пулемёты,
И ПЗРК «Игла».*

*Чтоб ответить западенцам
На прозападный их курс,
Чтобы степи под Донецком
Не топтал Кончита Вурст.*

*И пока колонной длинной
Шли по городу войска,
Чернобровая дивчина
Обнимала паренька.*

Умоляла: «Сделай милость,
Береги себя, мой свет».
И слеза её скатилась
На его бронезилет.

Уходили не по-детски
В бой простые пацаны,
Это было под Донецком
В грозном зареве войны.

Будем помнить эти годы,
Цвет Георгиевских лент,
С нами братские народы
И российский президент.

И когда-нибудь потомству
Сложат песню старики –
Про бои у Краматорска,
Про славянские деньки.

Игорь ДУДИНСКИЙ
**ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ
О РУССКИХ МАЛЬЧИКАХ**

Телерепортажи из сражающегося Донбасса, не-
радостные разговоры по телефону с живущими там
знакомыми, слезы и стенания в соцсетях...

Восток Украины подтвердил, что вирус фашиз-
ма, который пытается победить уже не одно по-
коление вменяемого населения земли, способен
мутировать в зависимости от общественных на-
строений. Фашизм XXI века саккумулировал в себе
миллиарды кубометров генетической ненависти
ко всему, что не укладывается в прокрустово ложе
общества потребления. Современные фашисты,
как вампиры, подпитываются энергией оголтелой,
воинствующей антидуховности, миазмами живот-
ного, воинствующего материализма.

Не удивительно, что мифическим раем, землей
обетованной для современных фашистов стал За-
пад с его культом гедонизма, алчности и ненасыт-
ности. Зомбированные фанаты капитализма гото-
вы без малейших колебаний пройти любое испы-
тание, назначенное мировой закулисой, лишь бы
доказать свое право на допуск в вождеденные кущи
изобилия.

Геополитическое положение Украины, волей
провидения оказавшейся между великой, но оску-
девшей и обессилевшей Империей Духа и терри-

торией «материального изобилия», обернулось планетарной катастрофой раскола. Часть народа, примыкающая к вечному празднику, который якобы всегда с тобой, соблазнилась гипотетическими «благами» и посулами и люто возненавидела соседей, испокон веков живущих в ритме трудовых будней созидания.

Чтобы окончательно повязать Украину кровью, Запад потребовал от «нео-европейцев» конкретных доказательств преданности обществу потребления, готовности безоговорочно служить Золотому Тельцу. Появившиеся на свет из адского пекла Майдана каннибалы немедленно откликнулись призывом к ритуальной мистерии человеческого жертвоприношения, приказав безжалостно истреблять каждого, в ком живет поэзия, вера, любовь, способность мечтать.

Роковое соседство с Европой превратило Украину в кровавый полигон, который идеально подходил князьям мира сего для воплощения сценария очередной вселенской битвы. Территория материи в «час икс» перешла в стратегическое наступление на царство духа. Зомби, сформировавшиеся на идеологии сытной жратвы, решили раз и навсегда покончить со всеми, кто считает, что в мире есть ценности поважнее, чем культ желудка. «Украинское сало похоронит Европу мыслителей и возродит Европу покупателей!» – напутствует Запад своих цепных псов, вскормленных и выдрессированных в питомнике Майдана. «За наше сало по ватникам-колорадам – огонь!» – командует подразделением установок залпового огня «Град», нацеленных на Луганск, киевский полковник.

Первой жертвой нашествия зомбированных Европой сатанинских орд оказался Донбасс – родина поэта Елены Заславской. Талантливая девушка хорошо известна в бывшей Новороссии – и своими стихами, и яркими, неординарными арт-акциями. В 2006 году на Всеукраинском слэме ZEX в Харькове неисправимую возмутительницу спокойствия удостоили звания Председателя земного шара с вручением соответствующего перстня.

Но в один недобрый для Украины день все перечисленное осталось далеко позади, за черной чертой расчленившего страну геноцида. Сегодня Елена пишет стихи не о свободной любви, а о русских мальчишках, которые с оружием в руках защищают свою землю от фашистского нашествия. Она, как ее землячка из далекого прошлого – путивльская страдальца Ярославна, оплакивает своих оказавшихся в плену или павших от пуль нелюдей товарищей – романтиков веры и сопротивления, рыцарей без страха и упрека, воспевают их жертвенность.

«На родине я, как всегда, не в тренде, – невесело усмехается отважная девушка в одном из писем. – По версии нынешнего правительства, террористка и пособница террористов. Воспеваю народное ополчение, а не «небесную сотню». Так что надеяться на публикации на украинских ресурсах не приходится. В Одессе уже начались аресты всех, кто не поддерживает Порошенко. Как символично, что первый БШУ – бомбово-штурмовой удар в Луганске нанесли по скверу Героев Великой Отечественной войны. Люди гибнут каждый день».

Елена с горечью рассказывает о разрушенных зданиях университета, школы, детской больницы, руинах жилых кварталов. Возмущается призывами

фейсбучных подонков-русофобов расстреливать по десять человек мирных жителей за каждого убитого украинского солдата. «К сожалению, они уже нашли отклик у многих «патриотов», которые сегодня ставят «лайки», а завтра будут сбрасывать бомбы на города Донбасса, – негодует Елена. – Военные действия Киева против своего народа сопровождаются неслыханной информационной обработкой. Социальные сети переполнены дезинформацией, которой позавидовал бы сам Геббельс. Можно называть действия Киева как угодно – антитеррористической операцией, борьбой за демократические свободы и европейские ценности, зачисткой, но у нас на Востоке вот уже 70 лет подобные действия называются фашизмом», – размышляет Елена.

К сожалению, истории человечества, видимо, все же не под силу убежать от самой себя – она так до сих пор и продолжает ходить по кругу, фактически топчась на одном месте.

«На входе в здание луганского СБУ, занятого ополченцами, висит плакат: «Бог не в силе, а в правде». Мой друг из добровольческой народной армии Юго-Востока пришел в увольнительную с черным нательным крестиком на груди. «Из чего он?» – поинтересовалась я. «Из покрышки. Был молебен, а после него всем добровольцам надели такие», – сказал он. Маленький крестик друга стал символом нашей гражданской войны. В декабре сторонники евромайдана жгли покрышки, окуривая черным дымом все живое, а в мае добровольцы надели черные кресты, нарезанные из таких же покрышек, чтобы развеять морок Майдана. Сначала я молилась, чтобы не было войны, а теперь – чтобы

наши победили. Такие дела», – пишет мне современная Ярославна.

С героиней русского эпоса Елену роднит и то, что война нанесла одинаковые удары-утраты по обеим семьям. У древнерусской княгини враги отняли мужа, а дочь Елены родные были вынуждены вывезти из Луганска. Елена Заславская предпочла остаться на передовой, со своим сражающимся народом. Потому что всегда считала себя мобилизованной и призванной.

Неужели история и вправду топчется на месте, повторяясь в виде устоявшихся клише и матриц?

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

ЭТИ РУССКИЕ

*Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка.
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.*

*Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
пока сердце в груди трепыхается
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.*

*Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.*

*Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.*

*А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они – православные.
Русские после молитвы встают с колен.*

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

* * *

*Случается война. Успеть.
Глаза в глаза. Вперед, на вдохе,
В лицо не признавая смерть,
А только подвиг.
Хребты разбитых баррикад.
По позвонку стрельба и пламя.
И круг за кругом новый ад
Владеет нами.
И причитанием плывёт
Звон колокольный.
И пуля, что во мне совьёт
Гнездо, уже в обойме.*

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

* * *

*На главной баррикаде
В белой балаклаве
Он глядит на Смерть.
А она-то вся при параде –
Рот в крови, как в помаде,
Говорит ему: «Иди ко мне.
Как же я тебя любить буду,
Целовать буду, миловать буду,
Уведу тебя я отсюда,
И как звать тебя позабудут.
А постель моя в ковьялах,
А постель моя вся в росе,
Уложу на нее я тебя,
Позабудешь и ты обо всех».
Но пока стоит мой солдат,
Хоть и взят врагом на прицел.
Он со Смертью глаза в глаза.
И в расширенных зрачках его – свет.*

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ

*Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я ухожу. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.
И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шел, а друг – на друга.
И стало черным молоко в сосцах.
И стала черной кровь в людских сердцах,
Как антрацит – наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит черный жернов.
Мы стали черным хлебом на войне,
А были... были золотые зерна.*

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

МОЛИТВА

*Не размыкая уста
Молюсь, и мольба проста:
«Не надо,
Чтоб брат на брата
И на сестру сестра».
И нет на мольбу ответа.
И небо
В черном дыму.*

*За что живу я на свете –
Не важно. Важно – за что умру.
Мелите свое пустомели
С надеждой на перепост.
Молотова коктейли
Так горячат в мороз!*

*Что снится тебе, Берегиня?
Какие ты видишь сны?
Стоит моя Украина
У самого края мира
На самом краю войны.*

**«МЫ ЖИВЁМ
ВНУТРИ АПОКАЛИПСИСА»**
*Полагает известная российская поэтесса,
лауреат Новой Пушкинской премии
2014 года*

Андрей КУЛИКОВ.

На меня очень большое впечатление произвели стихи одного из ваших последних циклов, посвященного событиям на Украине. Они напечатаны?

Светлана КЕКОВА.

Дело в том, что этот цикл только что сформировался, хотя два стихотворения из него, написанные в начале мая, были опубликованы «по горячим следам» в «Литературной газете». Одно из них – «... и крики, и мольбы» появилось после событий в Одессе, второе – «Волшебная рыба», посвященное памяти Этери Басария, тоже написано еще в мае. Название цикла «И истоптаны ягоды в точиле за городом» – цитата из «Откровения Иоанна Богослова», и это не случайно, потому что те события, которые мы сейчас переживаем, – апокалиптические.

То, что происходит сейчас на Украине, вызывает такую боль и такое мучение, что страждущая душа инстинктивно ищет способ выражения этой боли. Интересно, что первое стихотворение цикла, кото-

рое еще в феврале «хотело написаться», вылиться в слова, никак не могло оформиться, но и оставаться в зоне молчания тоже не могло. Это был такой опыт, которого у меня не было никогда раньше. Есть такое выражение, всем знакомое: «крик души». Но крик должен обрести форму... И вот какое-то время прошло, и форма была найдена, и стихотворение, которое так меня мучило, стало первым в цикле.

Андрей КУЛИКОВ.

В нем Вы называете имена поэтов: Алексей, Станислав, Олеся, Андрей, Ирина, которые как вы пишете, в своих стихах откликаются на страшные события, происходящие сейчас на Украине. Это реальные люди?

Светлана КЕКОВА.

Да, это реальные люди, поэты: и живущие в России, и те, кто живет там, на Украине. Сейчас многие пишут про то, что пережили, когда видели Одесскую Хатынь. Ведь нам в прямом эфире показывали горящий Дом Профсоюзов, мы смотрели, как там погибали люди, – и в это же время на передаче Савика Шустера собравшиеся в студии рукоплескали, приветствуя убийц! Все происходило на наших глазах! О том, что происходит на Украине, пишут Юнна Мориц, Олеся Николаева, Алексей Ивантер, петербуржец Алексей Пурин, харьковчане Станислав Минаков, Ирина Евса, Андрей Дмитриев, многие другие поэты...

Андрей КУЛИКОВ.

Самое страшное из того, что мы видим, – это взаимное отчуждение людей, которые жили ря-

*дом, а теперь готовы лишить друг друга жизни,
в чем причины этого?*

Светлана КЕКОВА.

На мой взгляд, это только духовные причины, духовное разделение людей. На самом деле эта тема для меня очень важная, болезненная, ни о чем другом сейчас думать невозможно. То, что происходит там, – происходит не с Украиной, это с нами происходит, это единое тело, которое сейчас терзают. Трагической ошибкой стало то, что украинская нация, точнее, ее «политические элиты», все эти годы создавали исторический миф об Украине, фундаментом которого была ненависть к России, русской культуре, русскому языку. Закрывали русские школы, из школьных программ исчезли произведения русских классиков, современные украинские учебники истории могут дать фору всем книгам Фоменко с его «альтернативной историей». В результате Украина все дальше и дальше отходила от единого Русского духовного и культурного пространства. Этот отказ от своих корней, от своей истории и привел к этому страшному кризису.

Нам иногда говорят: «Вы не владеете всей полнотой информации о происходящем на Украине». А мне не надо много информации, мне достаточно узнать, что Шухевич и Бандера стали героями Украины, увидеть их портреты на улицах Киева. Когда фашисты, которые пролили столько крови, становятся национальными героями, этого достаточно. Не надо после этого ничего говорить.

Андрей КУЛИКОВ.

Почему стихотворение «Волшебная рыба» посвящено Этери Басария?

Светлана КЕКОВА.

Этери Басария, абхазка по национальности, – очень известная писательница, автор замечательных романов, повестей, рассказов (писала она на русском языке). Это человек огромной нравственной силы, кристальной чистоты и правды. Человек, который никогда не покривил душой в своей жизни. В нашей литературе ее творчество занимает особое место – она продолжает традиции нашей «деревенской прозы», но на абхазском материале. В ее героях – то же обостренное чувство правды, в народной жизни, которую она изображает, -- та же глубина и верность долгу, чести, совести, что и у Распутина, Белова, Абрамова... Этери закончила Литературный институт в Москве, потом вышла замуж и уехала в Киев, там всю жизнь прожила. Познакомила нас замечательный поэт Ирина Евса, которая была близкой подругой Этери. В 2012 году я участвовала в Волошинском поэтическом фестивале в Коктебеле, и там мы втроем: Этери, Ира и я, – почти неделю провели вместе, в разговорах друг с другом. И именно тогда в одной из бесед с Этери я услышала о том, какие события происходят в Киеве. Этери говорила мне: «Светочка, Вы не представляете, как у нас стало страшно жить. У нас по улицам ходят самые настоящие фашисты, факельные шествия устраивают – и все смотрят на это сквозь пальцы. В Германии перед приходом Гитлера к власти – мы все об этом хорошо помним – так же к этому относились... Боюсь, что и у нас к власти

придут фашисты, на Украине будет то же самое, что и в Германии».

Когда она мне это сказала, я не то чтобы не восприняла это всерьез, но как-то не думала, что так скоро случится то, что случилось... Но запомнила я слова Этери очень хорошо, они как будто врезаны в мою душу. Этери до этих событий не дожила, она умерла весной 2013 года.

Андрей КУЛИКОВ.

Вы еще в 2006 году написали стихотворение «Страшная месь», которые воспринимается теперь как предвидение разгрома бесовщины, происходящего вокруг Украины. Как это получилось?

Светлана КЕКОВА.

Оно написано после моей поездки на фестиваль «Киевские лавры». Бывают события, которые стирают грань между нашим миром и миром иным. В эту мою поездку случилось много и благого, и страшного. Я побывала в Киево-Печерской Лавре, в Свято-Введенском монастыре, где находится чудотворная икона Божией Матери «Призри на смирение» – чудесным образом этот образ изобразился на стекле. Я впервые увидела удивительное небесное явление – гало, круговую радугу вокруг солнца. Это случилось 16 мая, в день памяти святого Феодосия Печерского и в день празднования Печерской иконы Божией Матери, после праздничной службы в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры. А с другой стороны – события совсем иного порядка: внутреннее столкновение с униатским духом и духом самостийной церкви так называемого киевского патриархата, какие-то мистические вихри – мы

попали в автокатастрофу, когда ехали на поэтические чтения (как раз должно было состояться мое выступление)...

Все это определило, наверное, мое восприятие Киева как города мистического, где так открыто, в непостижимых для «евклидова» разума формах, святине противостоит нечисть. А тема вторжения нечистой силы в человеческую жизнь разработана у Гоголя, и повесть «Страшная месть» – одна из самых поразительных. Думаю, не случайно Владимир Васильев, известный бард из Харькова, написал песню на эти мои стихи.

Интересно, что авторы некоторых публицистических материалов, посвященных нынешним событиям на Украине, тоже обращаются к «Вию», к «Страшной мести», к гоголевским образам, – вся эта линия сопоставлений возникает не случайно.

Андрей КУЛИКОВ.

Почти все эпиграфы к стихам цикла вами взяты из Апокалипсиса. Но ведь там есть стихотворения, не связанные ни с событиями на Украине, ни с образами Апокалипсиса. Почему так?

Светлана КЕКОВА.

Наша жизнь, как мне представляется, совершается в пространстве Откровения Иоанна Богослова. А в ней, этой жизни, – не только война, не только боль, но и наша обычная повседневная суета, и наша любовь, и наши обиды, и грехи, наши взлеты и падения. Жизнь идет, рождаются дети, но все это уже как бы в ином измерении бытия, внутри Апокалипсиса. В связи с определенными событиями в нас обостряется это чувство. Помните, как все вспом-

нили про откровение Иоанна Богослова, когда случился Чернобыль? Образ из Откровения (звезда Полынь) вдруг наполнился новым смыслом, потому что чернобыльщик – это и есть полынь, и этот зловеший знак заставил очень многих заново перечитать Откровение Иоанна Богослова... Кажется, и сейчас такое время, нам дан знак, чтобы мы строили свою жизнь так, чтобы в каждый момент были готовы предстать перед Лицом Божиим.

Светлана КЕКОВА

* * *

...и потекла кровь из точила
даже до узд конских...

Откр., 14, 20

*Я там, за Волгою, вдалеке,
сквозь солнечный вижу жнёт,
как Ангел с острым серпом в руке
людскую пшеницу жнёт.
Под ярким солнцем горят серпы,
на лезвиях – кровь и пот,
и в чистом поле стоят снопы,
и каждый из них – народ.
И каждый – в лучшей своей поре,
и лечь под серпами рад...
Созрели на Карачун-горе
и смоквы, и виноград.
Срезает Ангел за гроздью гроздь,
лавиной идёт огонь.
Спаситель распят, и новый гвоздь
вбивают в Его ладонь.
Настиг нас, грешников, час такой,
такая пришла пора,
что горе, льющееся рекой,
блестит, как вода Днепра.*

Светлана КЕКОВА

* * *

...отныне блаженны мертвые,
умирающие во Господе...

Откр., 14,13

*В Киеве уже цветут каштаны,
с мостовой дождями смыло кровь.
– Ты мне, друг, для каждой новой раны
по свинцовой пуле приготовь.*

*Кажется, что смыты все улики,
в чистом небе носятся стрижи,
но слышны над Украиной крики:
«Москалей проклятых – на ножи!»*

*Наточила лезвия осока,
и в лампадах кончился елей,
залита земля Юго-Востока
кровью этих самых москалей.*

*Сквозь вселенский ужас украинский
видно, как с ухмылкой воровской
медленно колдует пан Бжезинский
над великой шахматной доской.*

Владимир КОСТРОВ

* * *

Министру обороны Украины

*В лучах медийного огня,
Как Бонапарт, пока зелёный,
Грозил большие куреня
На наши двинуть батальоны.*

*Мели, Емелюшка, мели,
Как рудимент дурной эпохи.
Да, мы не скачем, москали.
А вечно скачут только блохи.*

*И руки оперев в бока,
Грози сильней российской дали.
А колорадского жука
Вам из Америки прислали.*

Владимир КОСТРОВ

* * *

*В гудках портовых сухогрузов,
Где чайки белые парят,
В одесском Доме профсоюзов
Русскоязычные горят.*

*Горят в побоях и проклятьях
И понимая, наконец,
Что память о Солунских братьях
Тупых не трогает сердце.*

*По этажам пустого зданья –
Лишь пепла чёрная бразда,
Где от Христова состраданья
Отмежевались навсегда.*

Владимир КОСТРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Вновь с горы Митридат моря дальнего виды,
И рубцуются раны войны и беды,
Снова в лоно России вернулась Таврида
Афродитой прекрасной из пенной воды...*

*Никогда уже больше ты нас не покинешь,
Больше нет у истории этой вины.
Возвратился к нам Крым, словно сказочный
Китеж,
Возродилось единство великой страны!*

*Крым отцов и дворцов, дивных роз тёмно-алых,
Бороздящих моря боевых крейсеров,
Православных святых и святых адмиралов
И богатых хозяйских татарских дворов.*

*Мы ошибки учтём и невзгоды осилим,
По всему побережью зажжём маяки,
Мы возложим цветы к адмиральским могилам,
В безымянные воды опустим венки...*

*Рей, Андреевский флаг в севастопольской сини!
Словно вольная чайка, расправив крыла,
На надорванной карте великой России
Градом Китежем снова Таврида взошла!*

Новелла МАТВЕЕВА

В ОГОРОДЕ БУЗИНА...

*Со всех существующих радиостанций
Для нас оглашается множество санкций!
А склока-то вся началась на майдане.
За что же с Московии требуют дани?*

*Решили какие-то типы во Львове,
Что русский язык – диалект «львовской
мовы»!*

*Сама же Московия – только частица
Майдана! За что и должна расплатиться!*

*Верней – заплатить. За то и за это.
За все преступления Нового Света;
За «Бурю в пустыне». За ту Кондолизу,
Что съела Багдад – сообразно капризу.*

*За гибель Саддама. И Сербии кряду.
За Ливию, с глобуса стёртую к ляду.
За то, что погромщикам нечем гордиться.
А также – Россия должна заплатить*

*За то, что майдановцы бьют безоружных
(И дальше бегут в направленьях ненужных –
Куда их несёт ненормальности вспышка).
За то, что для них референдум – пустышка.*

*А если в Техасе исчезли ковбои,
И если обойщик испортил обои,
И если в компьютере хлеб не рождается,
То мы и за это должны заплатить!*

*А ежели где-нибудь там на Ямайке
Не в моде штаны, а в Антарктике – майки,
И если в Канаде дожди не косые,
То – кто виноват? Ну, конечно, Россия!*

*А если на звёздах Антарес и Вега
К субботе совсем не окажется снега,
А Брэм нам докажет, что курица – птица,
То мы и за это должны поплатиться!*

*А если растёт бузина в огороде,
А в Киеве дядька сидит на подводе,
И в пекло шагает Безумная Грета¹, –
Россия, учти: ты ответишь за это!*

*С нас требуют злыдни за то и за это;
За то, что их «совесть» – не белого цвета.
За то, что акула и спрут не пушисты.
За то, что бандеровцы – это фашисты.*

18 июня 2014 г.

1. Существует картина П.Брейгеля «Безумная Грета». Мифологическая домохозяйка устремляется в ад, чтобы спасти там свою посуду.

Новелла МАТВЕЕВА

Крым. (Чьи-то «мнения»)

*Вернулся Крым в Россию!
Как будто б не к чужим?
Но кто-то ждал Мессию
И вдруг такое! – Крым!*

*Вернулся (ты, похоже,
Занёлся, гений мест?)
И Севастополь тоже.
(«– Какой бестактный жест!»)*

*Перекалился цоколь
Различных адских ламп...
«– Вторженье в Севастополь!» –
Скрежещет дама-вамп.*

*«– Столь дерзкое вторженье
Любой поймёт с трудом.
Как так? – без разрешенья
Да с ходу – в отчий дом?*

*Нам ваш триумф – обида!
Нам ваша гордость – блажь!
Нам – не́ к чему Таврида,
Чужд Севастополь ваш!*

*У нас ведь есть премилый
Отдельный понт и порт!
У нас в Майами виллы,
В Анталии – курорт...*

*Для нас – отдельный выход
Из всех мирских проблем!
Любую нашу прихоть
Исполнит дядя Сэм!*

*И всё же... слёзы злые
Душили нас, когда
Весь Крым вскричал:
«Россия!», –
А Кремль ответил: «Да!»*

*Никто не может знать,
Как сильно мы страдали!
Как наши нервы сдали!..
Зато теперь – опять
Мы в четверть уха слышим
Крымчан девиз прямой
И – ненавистью пышем к ним, –
Вернувшись ДОМОЙ!»*

СВОБОДА СЛОВА

**С Юнной МОРИЦ
беседует Марина АЛЕКСИНСКАЯ**

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Юнна Петровна, в «сетях» Вам объявили войну за публикацию Ваших стихотворений, за Вашу позицию, не совпадающую с позицией быковых-макаревичей. Мол, «маразм, старческая деменция, стихи ужасны»... Что дает Вам силы так ярко и убедительно противостоять натиску ненавистников?

Юнна МОРИЦ.

*Имейте совесть – это роскоши предмет,
Имейте совесть – вот прекрасное имянье!
Мне отключали воду, газ и свет,
А совесть – никогда, ни на мгновенье...*

*Имейте совесть – это крупный капитал,
Не дайте совесть распилить ножовкой.
Кристалл дешёвкой станет и металл, –
Не станет совесть никогда дешёвкой.*

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Война на Украине, подъем патриотизма в России, предательство пятой колонны, – где место

поэта в такой ситуации? Поэт и свобода слова, как связаны для вас эти понятия сегодня?

Юнна МОРИЦ.

Свобода слова была в моей поэзии всегда, при всех режимах, за что я и была постоянно в «чёрных списках», у меня великий опыт свободы слова и противостояния травле и клевете. Я всегда шла «поперёк потока» и делала всё возможное, чтобы не вписаться ни в какую обойму, струю, колею, – тем более, не оседлать никакую волну, приносящую прибыль и выгоду. Куняев писал, что я ненавижу всё русское, как Гейне ненавидел всё немецкое, но это ещё – не худшее, что обо мне написано. Однако, у меня всегда был, есть и будет замечательный Читатель, и его много, очень много для поэта в наши дни. Место поэта сейчас и всегда – там, где ясно, что «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Ад» Данте, трагедии Шекспира, «Медный всадник» и «Полтава» Пушкина – это Вечное Теперь, которое чистая лирика Сопротивления, публицистика и злоба дня, поэзия – навсегда. Я уже писала о том, что «рано попала в эту плохую компанию».

Война на Донбассе – это Сопротивление. Произошла декриминализация фашизма, бандеровщина вписалась в национально-освободительное движение против «русских оккупантов», пришла хунта с палачами, которые сожгли живьём в Одессе протестующих граждан и при полном равнодушии полиции добивали тех, кто спасался, выпрыгивая из окон. В ответ на разгул фашизма, которому аплодировал Запад, восстал Донбасс, защищая своё Право на Жизнь. Это – историческое восстание против «нового мирового порядка», который называет

себя западной цивилизацией и методами фашизма решает – кто имеет Право на Жизнь, а кто – нет! Гитлер мечтал уничтожить Россию, «новый мировой порядок» – его мечта.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Вы – русский поэт. Сегодня говорят так: нет же национальности – немецкий или французский, значит и национальности русский тоже нет. Хотелось бы у вас спросить: кто такой – русский? И что значит для вас – русский поэт?

Юнна МОРИЦ.

Бодлер – французский поэт, Байрон – английский поэт, Гёте – немецкий, Лорка – испанский, Данте – итальянский, Лермонтов – русский. А «советский» поэт – это такой же бред, как Бодлер – буржуазный, Вергилий – рабовладельческий, Пушкин – монархический.

Вся мировая и русская поэзия создана людьми смешанных кровей, чья национальность не совпала с языками стран, на которых они писали. Язык поэта – это национальность его поэзии, несомненно и без исключений. Иосиф Бродский – русский поэт, а не американский и не еврейский.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Что за среда, люди, которые формировали Вас как личность? О ком или о чем Вы чаще всего вспоминаете? И что за среда для вас под названием «шестидесятники».

Юнна МОРИЦ.

«Шестидесятники» – не моя среда. Чаще всего вспоминаю об Арктике, где я в 19 лет плавала

на ледокольном пароходе «Седов». И о шахтах Сибири, Донбасса где я была, обретая свободу слова. Меня после этого исключили из Литинститута за «нарастание нездоровых настроений в творчестве». Стояла – «оттепель», но для меня – заморозки. Потом поэт Николай Тихонов написал об этих «нездоровых настроениях» в «Литературной газете» предисловие к моим стихам, которое называлось «Поэт видит Север».

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Был ли соблазн Западом? И если да, то когда Вы в нем разочаровались? Почему, с Вашей точки зрения, Запад столь прельщает «дорогого россиянина» даже сегодня?

Юнна МОРИЦ.

Я всегда была невыездной, на Запад меня приглашали постоянно – на симпозиумы, фестивали поэзии, для чтения лекций. Мои стихи там переводила Лидия Пастернак, сестра Бориса Пастернака. Потом, когда стали выпускать всех, я была в Италии, Англии, Франции, Польше, Чехословакии, Югославии, Америке. Мои стихи переводили прекрасно, авторские вечера проходили при полных залах. Соблазна остаться не было у меня никогда. Я не «разочаровалась в Западе», я испытала гнев и презрение к тому «коллективному Западу», который бомбил Сербию, уничтожив Международное право, а потом во имя американской гегемонщины вторгся в Ирак, Ливию, далее – везде. Олигархат России делал всё возможное, чтобы НАТО двигалось к нашим границам, хотя НАТО не очень того хотело в начале «катастрофки». Но олигархат по-

лагал, что НАТО – лучший защитник его грабительских капиталов от «скотского» народа. Запад прельщает «дорогого россиянина» комфортом, возможностью сливать туда капиталы, хряпнутые в России, заодно обзывая Россию помойкой, историческим тупиком и отбросом.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

В советские годы художник пребывал на пьедестале. Скинув Дзержинского, демократия скинула и художника. Говорят: художник такой же человек, пусть спустится с облаков на землю. Ваша позиция.

Юнна МОРИЦ.

Я, слава Богу, не пребывала ни на каком пьедестале. Так что меня никто ниоткуда не скинул. По всей земле стоят памятники завоевателям, полководцам, государственным деятелям, чья жестокость не уступает Дзержинскому и даже превосходит в разы. Великий «глобализатор» Македонский вешал на деревьях трупы вдоль дорог, потому что «сильная власть должна быть страшной». Памятник – это история, часто ужасная. Никакой связи между сбросом памятника Дзержинскому и сбросом каких-то художников с пьедесталов не вижу. Но вижу Дзержинского с Бжезинским в одном флаконе.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Кто сегодня, с Вашей точки зрения, – интеллигенция, и что такое сегодня – элита?

Юнна МОРИЦ.

Сегодня интеллигенция – люди, не утратившие совесть и работающие на благо российского человечества.

Элита, состоящая из деньгастых светских львов и львиц, это – зоопарк, чей образ жизни самым отвратительным образом звездит в телящике и прочих СМИ. Элита в переводе на русский – это отборный сорт. Вопрос в том: кто эти сорта отбирал в России?..

Мерзкий, извращенный образ России, где живет генетический урод – российский народ, который просто обязан вымереть, как можно скорей, – такова национальная идея, людоедская философия и «творческая деятельность» русофобской элиты. Она отравила страну и людей ядом самоненависти, самоистребления («Смотрите на себя и ужасайтесь!»). Запад это приветствует. Именно такая Россия – ватник, и колорад, биомасса, которую надо уничтожать под любым предлогом, подлым и лживым.

Мои «ужасные» стихи – противоядие от русофобской отравы, реанимация высокой самооценки российского человечества, моего Читателя. Это – особая поэтика, она приводит в бешенство русофобов, которые ждут, что Запад задушит Россию санкциями, информационной блокадой и охунтением, развратом вражды. Это – не мой зал ожидания.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Художник и деньги. Художник должен быть голодным или сытым?

Юнна МОРИЦ.

Художник не должен быть бездомным, голодным и нищим. О деньгах для художника должно думать государство. Наше государство думает очень самобытно: деньги дают на «Х+й в плену ФСБ», на клетку с курами, которые какают на чучело Льва Толстого. Вся русофобия, вся лексика и фактура ненависти к России оплачены государством очень щедро, у государства такие эксперты, министры, специалисты по глобализации. По сути, государство сглобализалось с русофобами, заливая их деньгами. А сегодня это отечественное русофобище диктует карательные санкции.

*За ненависть к себе Россия платит щедро.
Кто зверствует над ней, тот сказочно богат.
Кто грязью обольёт, тому – казна и недра.
Такая садомазь, такой маркиз де Сад.*

*За ненависть к себе Россия ублажает
И приближает так, что жрут её живьём.
За это ей «весной арабской» угрожает
Правозащитник бомб, – за ласковый приём.*

*За ненависть к себе Россия платит лаской,
Насилуют её на Библии Бабла.
Платя за «Х+й в плену» – над детской коляской,
Такие ценности Россия огребла!..*

*В такие зеркала красавица глядится,
Такое про неё снимается кино, –
Россия за него заплатит, чтоб гордиться,
Что ненавистью к ней прославится оно.*

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Кто из женщин в литературе оказал на вас особенное влияние. Цветаева или Ахматова?

Юнна МОРИЦ.

Обе – великие русские поэты. Никто из них не получил Нобелевскую премию. Но когда дают Нобелевскую премию другим поэтам, на Западе непременно пишут: её (его) переводила великая «леди» Ахматова, или её (его) переводила великая «леди» Цветаева, или с обеими были знакомы лично, по переписке. Такой «сертификат качества».

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

В юности Вы освоили Арктику. Сегодня поднимают вопрос о возвращении архипелагу Северная Земля названия Земля Императора Николая II. Ваше отношение? И что за опыт Вы извлекли из знакомства с Арктикой?

Юнна МОРИЦ.

Я не освоила Арктику, я в ней жила полгода, мы плавали на зимовья. Об этом есть в моей книге короткой прозы «Рассказы о чудесном», там и фотография, где я стою в ватнике рядом с ледоколом «Седов» и смотрю в бинокль. Арктика – это чувство человеческой, духовной силы в любых, самых трудных обстоятельствах, и остаётся это чувство на всю жизнь, и оно работает, – очень! Недавно вышла новая книга моей поэзии «Сквозеро», она состоит из четырех книг, одна из них называется «Большое Льдо», она о том, как в чувстве Арктики сверкает русская литература, русский язык, морозоустой-

чивость российского человечества. Я очень люблю «Морожены песни» Степана Писахова и всю его гениальную книгу северных сказок.

А возвращение географических названий – часто не к добру, в этой области есть свои тайные смыслы, которые способны на ответный удар.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Что за кирпич был извлечен из строения нашего государства, что оно рухнуло? Является ли он причиной того, что наше государство то поднимается, то снова обваливается?

Юнна МОРИЦ.

Никакой кирпич не был извлечён, дело не в кирпиче, хотя иные фэйсы «кирпича просят», как говорят в народе, который никогда не простит и не забудет грабительскую «прихватизацию» и сдачу страны во внешнее управление Западу, который по этой причине объявил свою победу над Россией в «холодной войне». Наше государство перестанет обваливаться, как только прекратится «диктатура либералов, тирания либералов», – эти мои стихи довольно знамениты.

Марина АЛЕКСИНСКАЯ.

Одно слово, которым бы Вы могли охарактеризовать советскую эпоху? И эпоху демократии в России?

Юнна МОРИЦ.

Одним словом? Получится враньё.

Советское время – это множество самых разных времён, часто уничтожающих друг друга. Никакой

демократии не было, и я не считаю демократию, вообще, замечательной штукой, – демократия приговорила Сократа к цикуте, к самоубийству ядом, а через 2500 лет западная демократия реабилитировала Сократа, но голоса разделились поровну. Американская демократия хватает людей в любой стране, тащит к себе, жестоко пытается и судит за мысли и намерения, сажая в тюрьму лет на 30-100, при этом сама американская демократия с её кровавыми гегемонстрами – нигде и никогда не подсудна. В этом смысле советское время сильно сдерживало агрессию «коллективного Запада» и было тормозом для гегемонстров.

И еще – ответ на вопрос, которого вы не задали: «Как низко я пала?» Есть у меня об этом стихи «Правила приличия»:

*В приличном обществе, которое свободно?..
В приличном обществе бомбёжек и блокад,
Переворотов, упакованных в плакат
Свободы – разгромить кого угодно?*

*В приличном обществе, где гадит гегемон?
В приличном обществе законно зверских пыток?*

*В приличном обществе, где ужаса избыток –
Величья гегемонского гормон?*

*В приличном обществе, где неприлично быть
Россией?.. В этом обществе отличном?..
Нет, лучше в обществе я буду неприличном,
Чтоб ваши правила приличия забыть!*

Юнна МОРИЦ

* * *

*Гуманитарный коридор
Гуманитарного вранья,
Где миномётного огня
Гуманитарный приговор!..*

*Гуманитарный страшный суд,
Каратель бьёт по ребятам,
Младенцев женщины несут
На животе и на спине.*

*Вожди гуманитарных свор
Молчат на Западе, смеясь,
Их одобрямса кровь и грязь –
Гуманитарный коридор!*

Юнна МОРИЦ

* * *

*Да что вы знаете про нервную нагрузку?..
Противогаз. Воздушная тревога.
Бомбоубежище. Сосет младенец блузку,
Нет молока, но в блузке есть немного.*

*Бинты кончаются. Кончаются носилки.
Наркоз для раненых – бутылки русской водки.
Особо ценятся окурки и обмылки,
А также ватники и толстые подметки.*

*Мы отступаем, но за нами – Чувство Дома,
И страшной силой обладает это чувство,
Оно и есть военное искусство!
А без него – страна пылает, как солома.*

Юнна МОРИЦ

* * *

Самолёт летит бомбить,
Он летит тебя убить!
Если ты – не идиот,
Ты сбиваешь самолёт:
Или ты его собьёшь,
Или он тебя убьёт!
Если он тебя убьёт,
Этот храбрый самолёт,
Он – отважный патриот,
Ты – убитый идиот.
Если всё наоборот,
Очень жалко самолёт!
Очень жалко самолёт,
Если всё наоборот, –
Он погиб, как патриот,
Он летел тебя бомбить,
Он хотел тебя убить.
К счастью, ты – не идиот!

Юнна МОРИЦ

ДРУГАЯ УКРАИНА

*Украина у меня – другая,
Вам такой вовеки не видать,
Там хожу я в школу, полагая,
Что в живых остаться – благодать!*

*Кончилась война, иду за хлебом,
Корка хлеба – счастье, без вранья!
Всю дорогу я слежу за небом,
Где бомбили Киев и меня.*

*Украинским языком владея,
Вряд ли я сумею той порой
На вопрос ответить прохиндея:
Первый он язык или второй?..*

*Всё известно мне о Бабьем Яре,
Всё ему известно обо мне.
Только Киев мой – не эти твари,
Что прислугой были Сатане!..*

*Я хожу за книгами к монахам,
В этих книгах – ижица и ять.
Книжное дитя способно страхам
Лучезарно противостоять.*

*У меня – другая Украина,
Вам такая – даром не нужна!
В этом я нисколько не повинна,
Каяться за это – не должна!*

*Неповинна памяти лавина,
Горловина соловья нежна.
У меня – другая Украина,
Вам такая – даром не нужна!*

*У меня – другая Украина,
И Россия в этом – не повинна...*

Юнна МОРИЦ

ДЕМОКРАТИЯ ПОГРОМА

*Пятнадцать лет назад просили сербы
Их не бомбить во время Пасхи православной,
Их не бомбить, когда Христос Воскресе.
Но дама с дьявольской улыбкой превосходства
Ответила от имени госдепа,
От имени глобального господства,
Что просьба сербов исторически нелепа,
И, если думать о глобальном интересе,
О демократии, о нравственном прогрессе,
Бомбить на Пасху надо сербов обязательно,
Без этого не будет убедительна
Победа, не бомбящая на Пасху
По той причине, что Христос Воскресе.*

*Пятнадцать лет спустя, пасхальной ночью
На Украине, в Украине (как хотите!)
Славян славяне убивают – где? – в Славянске.
Над перемирием пасхальным хохоча,
Устраивает власть кровопролитье
Лицом госдепа сильно хлопоча!
Победа быть должна кровопролительной,
Без этого не будет убедительной
Победа демократии погрома,
А демократия погрома – праздник скотства!
Но, если думать о глобальном интересе,
Пылая дьявольской улыбкой превосходства,
Кровопролитье – инструмент господства,
Особо – в ночь, когда Христос Воскресе.*

Юнна МОРИЦ

ХОРОШО ПРИДУМАНО

*Для Запада Россия – лютый враг:
Россия не вторгается в Ирак,
Не погружает Ливию во мрак,
Не вешает Саддама и на части
Не рвёт Каддафи, хохоча от счастья!*

*Россия – вредоносная страна,
Переписать историю должна:
Не победила Гитлера она!
Америка с Европой победили,
А русские им только навредили!*

*Россия угрожает всем подряд:
Ей льют и сыплют ненависти яд,
И травят, травят, но она не травится,
Привыкла к яду этому красавица, –
Страна такая Западу не нравится!*

*Для Запада Россия – в горле кость
И просто лишний на планете гость.
Но сколько бы Россию ни марали,
А в плане исторической морали,
И Крым, и Севастополь к ней удрали.*

*Для Запада Россия – лютый враг:
Не вторгнешься в Россию, как в Ирак,
Не омайданишь пятою колонной,
Колонной русофобии зловонной,
Где флаг погрома – знак великих благ!*

*Россию надо гнать с планеты прочь,
Россия – дьявол кровожадной власти:
Нет виселиц, никто живьём на части
Не рвёт Каддафи, хохоча от счастья, –
Но в этом Запад нам готов помочь!*

*В любой момент готовы нам помочь
Погромы, снайперы, египетская ночь!*

ИМЕЮЩИЙ ГЛАЗА ДА УВИДИТ

Интервью о современной поэзии, Церкви, Майдане и Донбассе

Екатерина НЕНАШЕВА.

Олеся Александровна, сегодня в нашей стране всё чаще на слово «писатель» вешается какой-то ярлык, причем не определяющий принадлежность автора к жанру, а определяющий его религиозную или политическую принадлежность. Дошло до того, что даже от слова художника, слова глубокого и гуманного, слова человеческого и живого остается лишь горка опилок – скопище букв: без души и идеи, но с системкой несвязанных и абсурдных коннотаций. Репрессия Человека все мощнее и мощнее сдавливает искусство. Когда мы договаривались об этом интервью, Вы прислали мне стихотворение с маленьким предисловием: «Я боюсь публиковать подобные вещи, боюсь, что наша либеральная жандармерия, забыв про европейский политес, просто забьет меня ногами». Почему так происходит по вашему мнению и уместно ли вообще Художника так определять?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Мне кажется, это черта политически ангажированного, антикультурного мышления – вычленять из литературного произведения исключительно

идеологический вектор и сводить к нему весь художественный мир писателя, причисляя оно к тому или иному «лагерю». Но – увы! – таково изначальное свойство интеллигенции, которая, с момента ее зарождения, идеологизирована и рационалистична. (По определению мыслителя Георгия Федотова, она – беспочвенная и идейна).

Так, например, в свое время либеральная общественность не по эстетическим, а исключительно по идеологическим мотивам травила Ф. Достоевского, особенно за роман «Бесы». Так морщилась, когда ей напоминали о «Клеветниках России» А. Пушкина. Так и теперь старается не замечать стихотворения Иосифа Бродского об Украине (удивительного, по художественной силе, из лучших). Художнику жить в этой атмосфере политических счетов и общественной цензуры душно. И не столь важно, советская это цензура или либеральная.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Однако и молодая современная поэзия сейчас слишком ангажирована. Складывается ощущение, что у начинающих авторов страшная одержимость «прокремлевщиной», «путинским режимом», «ненавистью к РПЦ» и проч. Больше их не интересует ничего. Они создают свой режим. Вместе с тем, все меньше в художественном произведении фигурирует Человек, личное, реальное, частное. Такое виденье – мигрень современной России или простое нежелание столкнуться с живой реальностью, некая психологическая защита? Куда это может привести русскую поэзию в дальнейшем?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Я пока, к сожалению, не вижу самого предмета данного разговора, то есть самой «молодой поэзии» как состоявшегося явления, обладающего некими внятными чертами и отличительными признаками. Я знаю, как мучаются члены жюри молодежных поэтических конкурсов, особенно когда речь идет о крупной денежной премии: как бы давать ее некому и не за что! По-моему, она находится в состоянии становления, и пока непонятно, что, собственно, получится.

Что касается «протеста против сложившихся социальных норм», условно говоря, «сбрасывания Пушкина (или кого другого) с корабля современности», то это в сознании молодых людей, особенно подростков, было всегда и во всех поколениях: это уже общее место и традиция, и в данном случае «нет ничего нового под солнцем». Все идет своим чередом. И лишь «талант – единственная новость, которая всегда нова!» Но, поверьте, ничего нет более предсказуемого и оттого уныло-бездарного, чем подростковый бунт против взрослых норм и форм.

Что касается политизированности литературы: будь то замороженность Майданом (или анти-Майданом), – то это вполне в ключе русской поэзии, которая всегда несла на себе «крест социальности». И человек, который является предметом литературы, – существо как социальное, так и метафизическое. Это два уровня, на которых разворачивается человеческая личность. По-моему, здесь нет противоречия. Иное дело, что порой такие социально перегруженные стихи являются лишь ритмизованными и зарифмованными (или в нынешнее время – не-рифмованными и не-ритмизованными)

декларативными фразами, за которыми не стоит никакой художественной реальности, а значит, они остаются за гранью искусства как такового.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Русский «православный» писатель сегодня -- кто это?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Я считаю, что русский писатель и есть писатель православный по преимуществу. Православие – это не идеология, а мироощущение, которое уходит своими корнями куда глубже – в генетическую память, в бессознательное. В данном случае – национальное мироощущение, которое – повторяю – глубже мировоззрения и идеологии, и в художественном произведении, если они находятся в противоречии, пробивает сам поверхностный мировоззренческий пласт. Очень хороший пример – Андрей Платонов. По своим убеждениям он был рьяный большевик, призывал расстреливать вредителей, но его писательское дарование приносило совершенно иной плод, и нет никого, кто с таким провидческим мастерством разоблачил бы самые основы коммунистической идеологии и большевистской власти.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Это разделение писателя на «православного» и «не» коснулось и Вас...

Олеся НИКОЛАЕВА.

Я говорила об этом публично, когда отстаивала те или иные воззрения Церкви на некоторые вопросы современной жизни. В течение двух лет

я вела на церковном телеканале «Спас» две просветительские передачи: «Основы православной культуры» и «Прямая речь», где шел разговор о взаимоотношениях Церкви и культуры, Православия и интеллигенции, Православия и католичества, Православия и сектантства и т. д. Всего мне удалось сделать около ста передач.

Кроме того, основными героями моей прозы (а у меня сейчас вышел семитомник, куда вошли романы, повести и рассказы) являются по преимуществу монахи, а действие разворачивается в монастырях и вокруг них. Ну что же делать, если монахи мне кажутся гораздо более интересными, парадоксальными и глубокими персонажами, чем, скажем, представители творческой интеллигенции, а монастырская жизнь – куда круче и художественнее, чем таковая в миру! Многие мои книги – и эссеистика, и проза, и даже стихи – выходили параллельно и в светских, и в церковных, и в монастырских издательствах.

Екатерина НЕНАШЕВА.

«Возвращение к традиционной форме – единственное, что остается человеку, плохо владеющим словом» – такое мнение я услышала среди начинающих авторов. Сегодня содержание влечет за собой форму или наоборот?»

Олеся НИКОЛАЕВА.

Мне кажется, это профанное рассуждение. Во-первых, что такое в данном контексте «традиционная форма»? Поскольку написание сонетов сейчас начинающие авторы и не посягают, и речь, стало быть, не об этом, то, очевидно, имеется в виду наличие рифмы, метра, поэтических тропов,

что само по себе еще не есть «форма». Если же имеется в виду само слово как образ, как соединение реальности и смысла, что присуще русской поэтической традиции, то и это не означает движение вспять, «возврат». Да и вообще – как можно вернуться к «форме», если форма не только не есть нечто внешнее, что можно натянуть на себя, как одежду, а есть пластическое выражение внутренней художественной идеи произведения? По определению Карлейля (примерно то же повторял и замечательный русский мыслитель Константин Леонтьев), форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться.

Поэтому – еще раз: к формам нельзя вернуться, «их» нужно каждый раз создавать заново, иначе получится в лучшем случае – лишь стилизация, а как правило – мертворожденный уродец, чучелко.

Да и попробуйте-ка вернуться к гоголевскому гротеску, к пушкинской прозрачной простоте и мощи, к лермонтовской таинственности, к тютчевской точности, к блоковской воздушной пластике, к пастернаковскому блеску и изыску, к мандельштамовской ворожбе!

Итак, форма рождается изнутри. Но если душа – не состоялась, если она, как взвесь, как прах, носимый по ветру моды и расхожих представлений, если она «не центрована», не укреплена экзистенциально нажитым смыслом, а шизофренически раздроблена и фрагментарна, если она не слышит голос неба, не чувствует подземных токов своей земли, ей просто «не из чего рожать». Это – ветошка, взметаемая «от лица земли» и что-то там не в склад не в лад шуршащая... Как сказал когда-то поэт Давид Самойлов: «Откровения несостоявшейся души совершенно не интересны».

Екатерина НЕНАШЕВА.

Насколько в писателе, по-Вашему, важна идея пассионарности?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Писатель пишет от некоего «избытка» бытия: от переполняющего его хаоса, от потребности претворить его в космос, от призвания к творчеству и преображению, от любви к слову, от тоски по Царству Божьему. Поэтому – конечно, пассионарность! Воля к тексту, к словесному жесту, к звучащей ноте... Так Чехов исписывает целые тома своих записных книжек, прежде чем получает власть художественно оформить эти обрывочные впечатления и наблюдения... Но бывает, и очень часто, что эта пассионарность изнутри подбита тщеславием, и ничем больше. Желанием заявить о себе миру: «Аз есмь!». Самоутвердиться! Так что это, конечно, условие, но далеко не единственное. Ведь и графоманы очень и очень пассионарны.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Олеся Александровна, Вы очень близки к «церковному обществу». Образ некоторых священнослужителей и людей, приближенных к ним, с подачи СМИ вырисовывается неоднозначным. Насколько можно, по – вашему мнению, совместить светский образ жизни и «жизнь во Христе». Можно же быть публичным человеком, и избегать всяческих условностей общества высшего, жить просто?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Что касается некоторых казусов, о которых мы часто слышим в СМИ в связи с церковной жизнью,

то я бы не слишком обращала на это внимание. Во-первых, два с лишним года назад прошла шумная заказная кампания против Церкви, и людям, которые понимают механизмы информационной войны и безошибочно видят ее признаки, это было очевидно. Удивительно, но эту войну вели исключительно либеральные СМИ и интернет-порталы, а вся ее стилистика, лексика, методы и приемы были как будто «сдуты» с «Воинствующего безбожника» – большевистской антицерковной организации 30-х годов прошлого века!

Во-вторых, нужно иной раз быть снисходительнее к народу, который провел 70 лет в Вавилонском плену, где безбожие было государственной идеологией. Так сразу, в одночасье, трудно выправить те душевные искривления, к которым это привело.

Что касается православных людей, то, как я уже сказала, они – персонажи некоторых моих книг. Но я еще с советских времен не очень люблю это выражение «брать пример» («Пионер – всем ребятам пример»). Мне кажется, точнее выражение «проникнуться духом» того или иного человека, который поразил, воодушевиться его образом и прожить при этом собственную жизнь.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Не могу не спросить про Ваше стихотворение «Свет Майдана». Что Вас подтолкнуло к его написанию?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Я последние годы изучаю историю русской революции, потому что меня мучает вопрос, каким образом она могла произойти и сокрушить великую империю. Как так получилось, что после по-

беды Японии над Россией в русско-японской войне наша интеллигенция, которая сама себя горделиво назначила «совестью нации», рукоплескала нашим врагам? Почему публика встречала овациями стихотворение, скажем, Андрея Белого:

*«Тухни, помойная яма,
Рухни – российский народ,
Скоро уж маршал Ояма
В город победно войдет!»*

И вот в русской революции (и Февральской, и большевистской), как ни крути, а огромная вина лежит на интеллигенции – и на ее безответственной болтовне, и на ее подначках и провокациях, и на ее узколобых теориях, в которые невозможно втиснуть живую (народную, органическую, духовную). И вот в украинском вопросе я увидела тот же разночинский почерк, тот же словоблудный запал: «Богословие Майдана», «Свет Майдана», ах, солидарность! А ведь тому, кто хоть отчасти знает историю, еще в декабре минувшего года можно было предвидеть, что все там кончится большой кровью. Но конца еще не видно, а уже и паленая человечина, и убитые дети, и разорванные на куски трупы!

Нет, тут либо – либо: либо «слезинка ребенка», либо «свет Майдана». Ну и, конечно, определенная конъюнктура стоит и за этим очень призрачным «светом», и за этим очень условным «богословием»: имеющий глаза – да увидит.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Что бы Вы сейчас сказали жителям Юго-Востока?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Люди, защищающие свою жизнь и свободу на Юге-Востоке, напоминают испанцев в 1936-39 годах, воевавших против фашистов и фашизма. Они напоминают итальянцев в 20-е года 19 века, поднявшихся против австрийского гнета и, конечно, греков, восставших под предводительством князя Ипсиланти против турецкого деспотизма в 1821 году и добившихся независимости в 1830. При невмешательстве своих государств, там воевало множество добровольцев из других стран: в первом случае мы сразу вспоминаем Хэмингуэя, во втором и третьем – Байрона. До сего дня подвиг людей, поднявшихся против диктатуры, оваян мученическим ореолом и сияет солнцем доблести и славы. Таковы и люди Донбасса, держащие оборону против вооруженной бандеровской гопоты, вторгшейся на их землю и убивающей мирных жителей: детей, стариков, женщин. И как бы ни пытались украинские СМИ уничтожить их, презрительно называя «ватниками», они уже – архетипически – внесены в синодик героев, призванных Провидением хотя бы физически остановить это беснование, которое будет вписано в историю Украины как национальный позор.

Екатерина НЕНАШЕВА.

Каким Вы видите будущее России и насколько оно утопично?

Олеся НИКОЛАЕВА.

Просматриваются два пути: или – или. Или Россия развернет плечи и поднимется в свой полный богатырский рост, почувствовав как свою земную самодостаточность, так и свою духовную судьбу

и волю, и тогда она выстоит в надвигающихся мировых бурях и внутренних смутах, либо она... выродится. И тогда на ее территорию придет народ крепкий, народ пассионарный, жесткий и волевой, знающий, чего он хочет и зачем живет, и просто захватит ее, а всех русских будет выставлять в этнографическом заповеднике, где они будут представлены пьяным нечесаным мужиком с самогонкой и балалайкой, медведем в картузе и беззубой бабкой с кошелкой и тощей козой на веревке.

В отличие от христианских представлений о личности, западная культура Нового времени построена на учении об индивидууме – частном выражении общего начала. Но принцип индивидуума – создать *privacy* – личное пространство, оттолкнуться от других. Личность же основана на другом – она преобразует окружающее пространство, но отталкивать от себя других ей необязательно.

Я училась в английской школе; мы учили английскую и американскую литературу, и заграница казалась нам мечтой. И, помню, приезжали американские издатели Проферы, которые издавали там русскую литературу, в том числе запрещенную в СССР. За ними следил КГБ, они уходили от слежки, это было так романтично. И Европа казалась нам культурной и прекрасной.

Но вот сейчас человек в Европе дробится на маски. Они боятся жениться, потому что человек в Европе работает по контракту и будущее его неопределённо. В Интернете человек и вовсе дробится, превращается в набор ников. Всё это постепенно приходит и к нам...

И вдруг произошло чудо. Произошло вот это голосование в Крыму. Наши соотечественники вдруг

очнулись от этого дробления на индивидуальное и проявили общую волю – вернуться в Россию. И это – притом, что на полуострове стояло двадцать тысяч войск, присягавших Украине. Это было чудо – когда воля человеческая и воля Божия слились в одну.

Мы уже начали духовно унывать, мы уже начали говорить «рашка», и вдруг – такой духовный подъём.

Мне очень нравится сейчас отстранённая позиция России по Украине. То, что сейчас она не делает никаких резких движений. Мне очень нравится сейчас моя страна – этого чувства не было даже на памяти моих родителей.

И в сложившихся обстоятельства антихристианских нападок на неё Россия ведёт себя очень по-христиански – оборачивая в свою пользу все те санкции, которые против неё применяются.

Именно так ведёт себя смиренный человек – полагаясь на волю Божию. Именно в этом – проявление христианского духа России. И творчество.

Олеся НИКОЛАЕВА

СВЕТ МАЙДАНА

*Вот тебе и твой «свет Майдана» – пой его,
славь!*

*Пламени язычки в зыбких зрачках, тусклые
фонари.*

*– На, угольков, кацапка, – жменю подставь!
И головешек тебе, москалька, – на, прикури!*

*Варится варево – месяц, другой, ночи и дни,
Булкает, пламешек пляшет, лижет, стри-
жет.*

*– Хочешь, супцу отведай, глотни, хлебни,
Да похвали – как ярко, как остро! Жжёт!*

*Болотные светлячки, пьяненькое винцо,
Красненькое словцо, огненная змея.
Что же ты теперь в передник прячешь лицо,
Ты же – своя!*

*Если вдруг и заявится обгорелый жмур
Из одесского пекла, в дым паленый одет,
Пуля в затылке, на шее петлюю шнур, –
Ты ему объясняй: «Это Майдана свет!»*

«Це ж – світло Майдану! – дюже гарно, багато», –

*Чтобы – бодрило, чтоб вставляло заряд!
Завтра чад краснбайства и словоблудья
смад*

Ветра всё равно развеют да растворят.

*Всё облака покроют на городском пяточке,
Смоет волною морскою глухой прибой.
Только на узком свитке в ангельском кулачке
Останется нацарапанное тобой!*

Олеся НИКОЛАЕВА

БАЛЛАДА О САШКЕ БИЛОМ

Это дух Сашка Билого – неуголенный, мятежный –

*Бешеной слюною исходит, что шелудивый пёс:
жуть, злость,*

Жаждет отмщенья, крови, рыщет по Незалежной,

Вгрызается в плоть, рвет теплое мясо, ломает кость.

Это никто как он – прелюбодейный – шало

Пахнуций паленою человечиною в Одессе вдыхает дым,

Роемся в Мариуполе в трупах, но все ему мало, мало,

Весь измазался кровью, а – всё незрим.

«Мало еще вы душ загубили кацапских», – за ушные мочки

Дергает, подначивает, поддает пенделя, чтоб уж наверняка,

Долбит мозг Коломойского, печень клюет, вырывает почки.

«Это ты, Сашок?» – тот в ужасе спрашивает невидимого Сашка.

*Так недолго сойти с ума, что со ступеньки...
Лютый*

Озноб: серое вещество закипает, скисает, как молоко.

*В ночи Коломойский спрашивает у шкафа:
«Билый, чи там, чи тут ты?»*

Но до поры ухмыляется, отмалчивается Сашко.

*Ибо – наутро – знает: глянут все западенцы,
Все коломойцы глянут в зеркальную даль, и –
в крик:*

*Оттуда стервец Сашко кривляется, грызет
заусенцы,*

Средний палец показывает, высовывает язык.

*Глянут наутро бандеровцы – родичи, едино-
верцы –*

*На братанов по сектору, и в каждом из них –
мертвяк*

*Билый Сашко сидит, застреленный ночью
в сердце*

И заселивший тела живые незнамо как.

Глянет и Незалежная в воды и – отразится

*Бритая голова с безобразным ртом, желтый
желвак,*

*Бегающие жестокие глазки, жиденькие ресни-
цы,*

Вылитый Сашко Билый – убивец и вурдалак.

*Да это же бес в маскировке: плоть, синие
жилы,*

Всё как у всех: комар на лице простом...

*На цепь его посадить, под требник Петра Мо-
гилы*

*Склонить, с заклинательными молитвами и
крестом!..*

В берцах, в военном буро-зеленом прикиде,

Ишь, как всамделешний – щетинистая щека...

*Да покадит на него иерей, воскликнет Господь:
«Изыди!»,*

*И с воем из Незалежной извергнется дух Саш-
ка!*

Валентин СОРОКИН

ПРОСЬБА

*Русские, вы слышите поэта, –
Поднимитесь завтра в полный рост:
Встретит вас грядущая победа,
Ливнем звёзд благословит Христос!
Почему изменники и воры
Из-за стен хапужных крепостей
Продают заводы и просторы,
Золото, алмазы и детей?
Для того ль в мартенах мы и в шахтах
День и ночь не опускали рук,
Чтобы псы на миллиардных яхтах
По морям прогуливали сук?
На погибель трудовому классу
Через кишлаки и города
Проложила бизнес-наркотрассу
До Москвы глобальная орда.
Русские, Востока мы и Юга,
Запада и Севера сыны, –
Ведь народы наши друг за друга,
Вскинув меч, стояли в дни войны!
Русские, мы с вами не садисты,
Встанем в ряд, в неодолимый ряд,
Почему над нами террористы
Коршунами чёрными парят?
Травят нас, взрывают, угрожают,
С братьевьями ссорят, видит Бог:
Ни рожать, ни жить не разрешают,
Землю выгребает из-под ног.*

*Нас пленила сказкою весёлой
Мафия – о, Господи, спаси!
Если вымрут города и сёла,
Не сберечь народы на Руси.
Русские, послушайте поэта,
Распрямитесь, и под стон молитв
Встретит вас грядущая победа
И герои всех забытых битв!*

Игорь ТЮЛЕНЕВ

* * *

*Когда мы возвратимся в Крым,
То станет явью сон России.
Отдали Крым – нас не спросили,
Сейчас решать пришлось самим.*

*Когда мы возвратимся в Крым –
На пальме вздёрнется Обама.
Сломает зубы «пилорама»,
Когда мы возвратимся в Крым.*

*От крика: «Русские идут!»
Бандеровцев охрипнет свора.
Бог даст, в Крыму мы будем скоро.
Здесь наши флешы, наш редут!*

*Весна в Крыму. Огонь и дым,
И Балаклавы бормотанье...
Нас Пушкин вновь обложит данью,
Когда мы возвратимся в Крым.*

*Вновь станем рифмами бряцать.
В снах героических купаться.
Глаголы пчёлами роятся,
Впиваясь строчками в тетрадь.*

*Я этим летом въеду в Крым
Верхом, как бородатый сотник?
Нет! Въеду, как стихов работник
Вслед за светилом золотым.*

*Когда мы возвратимся в Крым,
Лицо умоем в Русском море.
Белеет парус на просторе,
Россия, с именем твоим.*

ШЕСТЬ СУТОК В ЖЕЛЕЗНОМ ШКАФУ¹

Русский поэт, живущий во Франции, актёр и драматург Юрий Юрченко стал очень известен в последнее время, когда из благополучной Европы вдруг отправился добровольцем в осажденный Славянск, а затем попал в плен к боевикам батальона «Донбасс». Когда я услышала, что Юрченко на свободе, я подумала, что он сразу же вернется в Париж. Однако оказалось, что он лежит в обычной московской больнице.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

*Юрий Васильевич, почему вы еще не в Париже?
Там и медицина лучше...*

Юрий ЮРЧЕНКО.

Об этом меня уже спрашивали сотрудники посольства Франции. Отчасти я принял решение остаться пока в России под влиянием их коллег на Украине. Как только я после плена появился в Донецке, мне сказали, что меня ищут представители французского консульства в Киеве. Они просили передать, чтобы я воздержался от всяких заявлений, выступлений. Сказали, чтобы сразу ехал в Париж, обещали организовать лечение. Потом

1. <http://www.mk.ru/social/2014/08/31/rossiya-i-franciya-razyskivaet-izvestnogo-dramaturga-i-aktera-yuriya-yurchenko.html>

позвонили сами: «Вы собираетесь возвращаться во Францию?» Отвечаю: «Ребята, вы уже в Донецке пытаетесь закрыть мне рот. А в Париже вы мне перекроете все выходы на прессу. Мы же с вами знаем официальную позицию Франции по Украине. Знаем, что пишут французские СМИ. Это не соответствует тому, что я видел собственными глазами. Поэтому я пройду курс лечения в московской больнице». А потом, конечно, поеду в Париж – ведь там у меня жена и дочь.

Больница, в которой лежит Юрченко – самая обыкновенная, не элитная, палата на двоих. Поэт почти не встает: сломанная нога в гипсе, он с трудом передвигается на костылях. Ему предстоит сложная операция, но сначала надо подлечить язву, которая открылась от пережитого стресса.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Как у вас, благополучного гражданина Франции, поэта-лирика, возникла эта идея – поехать на войну?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Начался Майдан. Я за ним наблюдал по телевизору. Потом в плену я говорил ребятам из батальона «Донбасс»: «Вы совершили невозможное. Мен-тов обычно не любят. Но вы сделали так, что весь мир жалел этих несчастных «беркутовцев». Потом началась война. Под влиянием телевизора мои французские соседи стали говорить, что Украина захвачена войсками Путина и русские танки готовы двинуться на Париж. Ложь французских СМИ меня просто достала. Я знал, что там, в Донбассе,

убивают детей и женщин. А я взрослый человек, мужчина. Я должен что-то делать. И я понял, что все, больше не могу. Я должен туда ехать.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Как вы добрались в Донецк? Близкие знали, куда вы направляетесь?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Никто не знал. Ни жена, ни дочь, ни друзья. Для всех я уезжал в Кишинев, куда меня пригласили на фестиваль в честь дня рождения Пушкина, 6 июня. После фестиваля я на поезде Кишинев – Одесса пересек границу Украины по французскому паспорту. Приехал в Одессу – а там отмечают 40 дней по погибшим в Доме Профсоюзов. 2 часа я пробыл у Дома профсоюзов, встретился с человеком, который лежал в подвале среди трупов. Оттуда пошел на вокзал и уехал на поезде Одесса–Луганск.

Я хотел попасть в Славянск. Вышел в Ясиноватой и рано утром 10 июня приехал в Донецк, на площадь перед облдминистрацией. Там стоит палатка, где записывают в ополчение. Я записался. Там было еще несколько добровольцев. Потом нас построили и повели. У меня было такое чувство, что я иду умирать. Я же воевать не умею. Я даже в армии не служил. Но и другого выхода для себя я не вижу. Так я и стал ополченцем.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Но вам же воевать и не пришлось, вы же на фронте были в качестве журналиста?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Я был военкором при политотделе. Разница между обычным журналистом и военкором огромна. Когда погиб Андрей Стенин, мой товарищ, с ним погибли два военкора – Андрей Вячало и Сергей Коренченков (сотрудники агентства ополчения ДНР ICORPUS. – «МК»). Но про них все молчат. Я случайно не оказался с ними в той машине, обычно мы вместе ездили. Коренченков (позывной «Корень») жил со мной в одной комнате. Стенин сидел в машине сзади, а впереди – два военкора в военной форме, с автоматами. Машину расстреляли пьяные нацгвардейцы. Они в тот день устроили засаду на дороге. Когда увидели, что в машине журналисты, они ее оттащили подальше и подожгли. Поэтому Стенина так долго искали. Военкор – это ополченец, солдат. У него есть право ношения оружия. Симонов на войне был военкором, он выводил войска из окружения.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Во времена Симонова никаких других журналистов на фронте и не было...

Юрий ЮРЧЕНКО.

И не может быть на войне других журналистов. Во время Великой Отечественной войны гражданские журналисты по передовым не шарахались. У всех журналистов на фронте были погоны. Симонов закончил войну полковником. Это нормально. От обычных журналистов на войне только вред и предательство. Фотографируют лица ополченцев, расположение боевых позиций. Снимают блокпосты изнутри, выдают наших коррективщиков.

К тому же 95% западных корреспондентов приезжают уже с готовым шаблоном в голове, реальность их не интересует.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

У вас был позывной?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Да, «Анри». Я хотел сначала взять позывной «поэт», но мне сказали: «У нас уже есть три поэта, четвертого мы не потянем».

«Пленные на передовой долго не живут»

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Давайте поговорим о том, как вы попали в плен. Зачем вы поехали в Иловайск?

Юрий ЮРЧЕНКО.

В плен меня взяли 19 августа утром. А 17-го я был в Иловайске. Вокруг шли бои. Записал интервью с Гиви, командиром Иловайского гарнизона (ничего грузинского в нем нет, это его позывной). Потом пошел по городу, по убежищам. Снимал все, что видел.

Люди прятались в подвалах под домами. Там они сидели сутками без света, без воды, без еды. Старухи, старики с опухшими от диабета ногами, без лекарств, дети. Мы на нашей военкоровской машине привезли людям воды, сигарет. Двоих стариков вывезли в Харцизск к родственникам. Но всех взять с собой не могли, поэтому пообещали привезти медикаменты. На следующий день я до-

стал лекарства, но не смог поехать. А 19 утром проснулся (а спал я прямо в политотделе) и услышал, что в Иловайске бои, две четверти города захвачено. Первая мысль была об этих стариках. Я бросил в сумку лекарства, сигареты. Кинулся – а все машины, закрепленные за политотделом, разъехались по заданиям. На попутках доехал до Харцизска. Там мне оплотовцы дали машину до последнего блок-поста, но предупредили, что украинцы уже в Иловайске.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Как вы были одеты? Было ли у вас оружие?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Я был в камуфляже и пистолет висел на поясе в кобуре. По поводу пистолета объясню. На передовой без него делать нечего. Даже гитаристу, которого возили на передовую, чтобы он спел бойцам, выдавали пистолет. Потому что там никто разбираться не будет, певец ты или боец. В тебя будут сразу стрелять. Пистолет нужен для самозащиты. Или для того, чтобы застрелиться...

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Вы умели пользоваться пистолетом?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Научился. Но я из него ни разу так и не выстрелил. Видеокамера, фотоаппарат, блокнот – вот мое оружие. Я этот пистолет не получал официально. Мне его дали связисты в Славянске за то, что я с ними участвовал в разведывательной вылазке...

На последнем блокпосту Юрченко попросил, чтобы бойцы посадили его на попутную машину до Иловайска. Те его предупредили, что ехать дорогой через Зугресс опасно, потому что там – «укры». Потом оказалось, что туда забрела группа батальона «Донбасс», которая таким образом оказалась в тылу ополченцев.

Юрий ЮРЧЕНКО.

Теперь смотрите: это последний блокпост. Если с него какая-то машина проезжает дальше, значит, это «спецы», или разведчики, которым вопросов задавать не надо, они знают, что делают. Появляется такая машина, 6 человек в ней. В форме, с автоматами. Правда, без броников. Ни о чем не спрашивают. Ребята говорят: вот его надо подбросить в Иловайск. Я сажусь сзади. Они едут. Уверенно так. Вижу, они едут как раз по той самой дороге через Зугресс.

И тут вдруг начинается шквальный автоматнопулеметный огонь. Я вижу, как машина насквозь прошивается очередями. В дыму ничего не видно. Нас подбрасывает, грохот, но машина каким-то чудом еще идет. Я снимаю и думаю: если выберемся, то это будут уникальные съемки. Как-то мы прорываемся, огонь прекращается. И все живы. Едем дальше.

Машина ныряет куда-то вниз, поднимается и вдруг останавливается. Я вижу несколько ручных пулеметов и около 20 автоматов, нацеленных на нас со всех сторон. Украинцев человек 25, стоит только шевельнуться, и мгновенно разнесут все. Я сижу сзади, меня не видно, у меня в одной руке пистолет, в другой камера. Можно выстрелить либо

в украинцев, либо в себя. Но там шестеро молодых ребят. Их мгновенно убьют.

И тогда я свой пистолет засунул за две кожаные спинки и протолкнул еще куда-то. И последнее, что я чудом еще успел сделать: свой телефон с номерами ДНР тоже заныкал за какую-то обшивку. И это была большая удача.

Выходим из машины, нас тут же бросают на землю. Руки связывают сзади. И после этого начинают людей со связанными руками избивать. Прикладами, ногами, по голове, колют ножами, штыками. У меня по лицу течет кровь. На передовой пленные долго не живут. Потому что там все время гибнут товарищи тех, кто вас держит в плену, и они от этого страшно злые. А тут не просто передовая. Эти боевики совершили диверсионно-разведывательную вылазку в тыл противника, они со всех сторон окружены.

Франко, Семерка и Майор

Видно, как Юрий волнуется. Начинается самая трагическая часть его рассказа.

Юрий ЮРЧЕНКО.

Вижу, идет какой-то иностранец в натовской форме, каске, по внешнему виду сильно отличается от украинцев. Говорит с акцентом. Подходит ко мне и говорит: «Я из-за тебя, сука, в Нью-Йорке бизнес бросил!» И с размаху меня бьет. А у меня такой пижонский камуфляж, Паша Губарев подарил. Я старше остальных, без автомата. Явно командир.

«Из России, падла?» Отвечаю: «Я – гражданин Франции». – «Командир?» – «Военный корреспондент». Он опять меня бьет. «Из какой Франции? Все корреспонденты – они вон там, на нашей стороне». Мы стоим перед мостом. С другой стороны какой-то амбал кричит: «Что? Из Франции? Парлеву франсе? Француз! Давай сюда!» Иностранец командует: «Бегом через мост!» А все остальные уже на той стороне.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Кто этот иностранец, вы узнали?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Гражданин США с украинскими корнями, бизнесмен. Он этот спецназ и одевал, и вооружал на свои деньги. Марк его звали. Позывной Франко.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Он потом погиб?

Юрий ЮРЧЕНКО.

На следующий же день! Я видел, как пронесли знакомую каску с мозгами. «Франко, Франко...» Я подумал: «Хорошее начало!» Значит, завтра должны пронести каску того, кто сломал мне грудь и ноги.

Справка «МК»

Американец Марк Паславски погиб под Иловайском 20 августа. 55-летний инвестиционный банкир, миллионер и ветеран армии США имел украинские корни по материнской линии. В апреле 2014 года получил украинское граждан-

ство и отправился на фронт в составе батальона «Донбасс». Паславски родился на Манхэттене, в 1981 году окончил военную академию в Вест-Пойнте. Дослужился до капитана 75-го полка рейнджеров. Служил в рядах армии США до 1991 года. В конце 90-х годов фактически поселился на Украине, где занимался бизнесом. Разумеется, Паславский никакой не наемник. Он, скорее, выполнял функции военного инструктора. После каждого боя он устраивал разбор ошибок, совершенных бойцами. Он не только обучал, но и финансировал батальон «Донбасс». Интересно, что Паславский – племянник сподвижника Бандеры, впоследствии штатного сотрудника ЦРУ Миколы Лебеда, который считается главным вдохновителем «Волынской резни».

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Итак, вам приказали бежать через мост.

Юрий ЮРЧЕНКО.

Со мной бежал еще один ополченец. А мост простреливается нашими снайперами. Добежали до середины моста. Амбал кричит: «Стоять!» Мы встали. Он ждет, что нас наши же снайперы расстреляют. Но те не стреляют. Амбал расстроился. «Сюда! Ишь ты, француз! – говорит. Почему-то его завело, что я француз. – Ты труп, француз!» И он прет прямо на меня. Потом я узнал, что он чемпион по смешанным единоборствам. Позывной «Семерка».

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Это он вам сломал ребра?

Юрий ЮРЧЕНКО.

И ногу тоже. Он сразу свалил меня на землю и начал бить сапогами по ребрам. Тут и другие подскочили. Я чувствую, что ребра сломаны. И вижу, как новый сапог летит в мою уже поломанную грудную клетку. Хочу встать на ноги – и понимаю, что не могу. Грудь так болела, что я не заметил, как сядули по ноге – то ли прикладом, то ли еще чем.

Потом командуют: бежать! Я говорю: «Не могу, добивайте здесь». Тогда они меня понесли. Положили на землю. Смотрю: стена кирпичная, и наши все уже около нее лежат лицом в землю, руки связаны сзади. Все, расстреливать будут. Тут пожилой человек, позывной «Майор», говорит: «Развяжите ему руки, он же и так двигаться не может». Развязали. Опять появился Семерка: «Кто его развязал?» Майор говорит: «Стоп. Не будь, как они». Тогда Семерка хватает бутылку, и запускает мне в висок. Бутылка разбивается рядом о стену. Потом всех отвели в школу.

Железный шкаф

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Где находилась эта школа?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Какое-то предместье Иловайска. Школа на горе, солидное кирпичное здание советской постройки. Две недели ее вся наша артиллерия долбила и не разбила. А там еще и бомбоубежище. В школе –

штаб. А во дворе – какие-то постройки, школьные мастерские. И ребята наши уже там, раздетые до трусов, лежат на земле, их бьют прикладами, ногами, чем придется. И Семерка там. «А, француз! Тебе повезло, что ты попал ко мне. Ты у меня любимец. Ты отсюда живым не выйдешь, запомни мои слова». И опять лезет ко мне. Но меня спасает медик, который говорил перед этим, что нас надо расстрелять.

Там был такой железный шкаф для инструментов, размером с платяной, какие есть в каждой «хрущевке». В нем стоит какая-то станина железная, из нее торчат штыри. Медик меня затолкнул в этот шкаф. Там уже кто-то был. Темно, ничего не видно, пыль, грязь. Присесть не на что. Дышать невозможно. А у меня лицо все залито кровью.

Но я спасся от того, что пережили остальные ребята. Я слышал, как их гоняли по двору. Заставляли бегать на четвереньках, обзывать матерными словами Путина (это там любимое), кричать: «Слава Украине, героям слава», «Украина понад усе!». Это же точная калька с «Deutschland über alles» («Германия превыше всего» – гимн Германии времен нацистов. – авт.). После этого они еще говорят: «Где ты видел здесь фашистов?» А это что вы делаете? Рядом с нашим шкафом были школьные мастерские, класс труда, где верстаки на столах. Ребят завели в этот класс, и я слышу: «Решай, что тебе отрезать: яйцо или палец? Палец или яйцо? Палец или яйцо, ну?» Я потом узнал: они у старшего группы мошонку положили в тиски, а другого, водителя, заставили крутить.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Что за люди были с вами в шкафу?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Один местный, которого они подозревали, что он корректирует огонь артиллерии ополченцев. Его утром то ли отпустили, то ли расстреляли. И словак Миро, ополченец. Шесть суток мы пробыли в шкафу вдвоем с Миро. Мне повезло. Я даже потом стихотворение написал: «Очень важно, с кем ты в шкаф попадешь». Мирослав Рогач попал в плен утром того же дня, что и мы. Он, оказывается, меня видел еще раньше в Донецке, когда я на площади рассказывал, как выходили из Славянска. «Я хотел к вам подойти, но не смог, потому что заплакал и ушел с площади, – рассказал он. – А на следующий день я записался в ополчение». Я говорю: «Так это я виноват, что вы здесь?» Он отвечает: «Нет». Миро со мной возился. А у него самого две недели черные пятна не сходили, ему все отбили.

В шкафу нет места, там ни лечь, ни сесть. А у меня три ребра были сломаны. Если я присяду, то мне нужно полчаса, чтобы подняться. А в любой момент могут открыть шкаф и позвать. Если сразу не выйдешь, они злятся и начинают молотить прикладами по сломанной ноге, по ребрам. Но Миро как-то умудрялся мне помочь.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Он жив?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Да, он сейчас в Донецке. В Словакии ему грозит срок.

«Отходим. Пленных расстрелять!»**Юрий ЮРЧЕНКО.**

Тут-то и начинается вся история. Они ведь находятся в окружении. Школу, где расположен штаб «Донбасса», всю обстреливает наша артиллерия. Но сам штаб сидит в бомбоубежище. А во дворе школы стоит летняя постройка, и в ней – наш шкафчик. А в шкафчике мы с Миро. И мне кажется, что все пушки мира лупят в этот несчастный шкаф. От каждой мины шкаф сотрясается. Земля сыплется за шиворот. Слушаешь свист пролетающих мин и гадаешь: твоя или не твоя?

А в перерывах между обстрелами приходят ребята из бомбоубежища. У них вечный передний край: опять кого-то убили, опять чьи-то мозги, кровь. «Где эти суки? Почему они еще живы? Давайте гранату в этот шкаф бросим!» После первой ночи я подумал, что вторую не переживу. А мне предстояло пробыть в этом шкафу шесть долгих дней и шесть ночей.

Когда нет артиллерийских обстрелов, наши подходят очень близко и около школы идет бой, стреляют из автоматов, и шальные пули залетают в наш шкаф. Боевики понимают, что их окружают. Ночью гудят машины, слышны голоса: «Все, отходим. Места для раненых нет, пленных расстрелять». Мы ждем. А я знаю, что атакой командует Моторола. И я про себя молюсь: «Моторола, миленький, пойдешь отдохни. Ну зачем тебе именно сегодня их нужно взять?» Потом вдруг огонь стихает,

значит, наши отошли. Слава богу, значит, не сегодня. Так повторялось много раз.

Были там нормальные люди. Один мне ногу замаливал. Читал специальную молитву, чтобы нога выздоравливала. Другой приходил и тихо так из-за двери спрашивал: «Вы илы? (ели)» Лица его я не видел. Как-то слышу, один из них говорит ребятам: «Блин, ну что же мы делаем? Как же мы потом в глаза друг другу смотреть будем?» Там был Олег, позывной «Марк». Хороший парень. У него вообще интересная история. Он поругался с женой и ночевал у родителей. А там собрались ребята: пойдём воевать. Он пришел к жене: «Иду на войну». Она: «Ну и иди». И я слышу, как он ей говорит по телефону: «Илонушка, я не могу приехать. Я же тебя тогда спросил, ты сказала «иди». А теперь у меня контракт на 3 года. Ну как же я приду? Тут же ребята, как я их брошу?»

К врачу меня водил Майор, который нас не дал до конца забить у стены. Он из бывших ментов. В нем все время боролись противоречивые чувства. С одной стороны, я враг, но с другой – пленный, поэтому со мной надо обращаться по-человечески. Он говорил примерно так: «Конечно, вас надо расстрелять, но... Вы не ели? Ладно, я сейчас распоряжусь». Наблюдать это было даже трогательно.

Между Гроссманом и Данелия

Юрий ЮРЧЕНКО.

Весь мой плен четко делится на две части: первая похожа на роман Василия Гроссмана, а вто-

рая – на фильм Георгия Данелия. Первая неделя – ад, вторая в Курахово – тоже ад, но другой. А последняя – это фильм Данелия.

Меня вызывают на первый допрос. Смотрю, сидит грузин, на вид ему лет 40. И я понимаю, что у меня есть шанс. Я ведь с Грузией тесно связан, всю жизнь переводил грузинских поэтов. Грузина зовут Ираклий Гургенович, фамилии не знаю. Он в батальоне Донбасс служит консультантом по разведке. Потом я узнал: он 22 года в разведке, с 18 лет воевал в Абхазии, Осетии, за рубежом. Учился в Штатах. При Саакашвили занимал крупный пост в Грузии. В тот день, когда нас взяли, ему как раз исполнилось 40 лет. Близкие друзья называли его «Сван».

Справка «МК»

Консультант по разведке батальона «Донбасс» – это вице-полковник Ираклий Курасбедиани, который в 2008 году занимал пост начальника департамента военной разведки Минобороны Грузии. Приметы сходятся, а Курасбедиани – это сванская фамилия.

Юрий ЮРЧЕНКО.

Ираклий говорит: «Рассказывайте, кто вы, откуда. Почему приехали сюда?»

Отвечаю: «В Одессе родился, на Колыме вырос, потом жил в Грузии, работал в театре пантомимы. Первая книга у меня вышла в Тбилиси, в издательстве «Мерани». Он спрашивает: «По-грузински говорите?» Я ему начинаю читать на грузинском «Могильщика» Галактиона Табидзе (Юрченко принадлежит один из переводов на русский этого

шедевра грузинской литературы. – авт.). И он открывает рот. Потом я узнал, что он из деревни, в которой родился Галактион Табидзе. Он «Могильщика» наизусть знает. Это святое для него. Он потом меня попросил с ним сфотографироваться, чтобы маме показать фото: «Это будет мое перед ней оправдание, что я делал на этой войне».

Вдруг Ираклий говорит: «Для военкора вы очень хорошо держитесь. Вы профессионал. Вы когда выехали за границу? В конце 80-х? Значит, с конца 80-х работаете на КГБ или ГРУ». Я отвечаю: «Откройте интернет. Почитайте мои стихи, пьесы. У меня просто нет времени чем-то еще заниматься. Я даже автомат собрать не сумею». – «А он вам и не нужен. Грэм Грин, Сомерсет Моэм (оба писателя сотрудничали с британской разведкой. – авт.). Вот это высокие профессионалы». И он звонит в Киев, разговаривает с министром: «У меня опыт разведчика – 22 года. Я на 95% уверен, что этот человек – профессиональный опытный агент». Тот отвечает: «Надо его немедленно доставить сюда». Я ему говорю: «Что вы делаете?» А он отвечает: «В любом случае я вам спасаю жизнь. Отсюда вы другим путем не уедете. А здесь вы в живых не останетесь».

На четвертый день Ираклий принес мне костыли.

Последние дни там были самые страшные. Бомбят со всех сторон. Школа трясется. Все сидят в бомбоубежище. Наш шкаф ходит ходуном. Появляется Ираклий и командует: «Пленных – в убежище!» Выволакивает нас из шкафа, и тащит в школу. Мы сидим вместе с остальными на первом этаже. Бомбят страшно, стекла летят. А ребята босые. И у меня здоровая нога босая. Там был один боец, его Котик

звали. Он нам все время носил воду, печенье. Вдруг шараш! – и у этого Котика сносит часть черепа. Кровь льется широким ручьем. Медсестра с позывным «Кошка» прыгает на него, откачивает. А все в ярости кричат нам: «Ну, суки, молитесь, чтобы Котик выжил, иначе вас на ленты резать будем!» Сестра кричит: «Всё, его уже нет!» И они медленно сдвигаются вокруг нас. Ираклий командует: «Всем вниз!» Открывает какую-то комнату, нас туда вталкивает и запирает. Мы сидим там, пока не стихает обстрел. И слышим, как Ираклий кричит по телефону: «Пленных надо вывозить! Их нельзя здесь оставлять! Если вы за ними не приедете, я сам их вывезу».

Курахово

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Что, не хотели вас, ценного вражеского агента, в Киев вывозить?

Юрий ЮРЧЕНКО.

«Донбасс» отступает, какие пленные? Они своих раненых не могли вывезти.

И вот они готовятся отходить. Уже всерьез. Опять кто-то дает команду: «Пленных расстрелять. Но сначала оденьте их в военную форму». – «А француз уже одет!» – «А словак?» – «На словаке штаны камуфляжные». – «Всё, открывай». Открывают шкаф. Я говорю: «Миро, рад был знакомству». Миро отвечает: «Юра, не подумай, что я педик, но я тебя люблю». И тут вдруг опять появляется Ира-

клий. А там уже стоят машины, гудят моторы. И он просто забросил меня в легковую машину, а Миро с остальными ополченцами – в другую машину, к солдатам. Так он нас спас.

Дорога – ад. Наши молотят по уходящей колонне. В машине за рулем Марк. Доехали до какого-то блок-поста, где стоял врытый в землю танк. Вдруг начинается страшный обстрел, снаряды ложатся прямо на дорогу. Все выскакивают из машин и бегут в лес. Впереди идет бой. Спрашиваю Марка: «Что, обратно в шкаф?» Отвечает: «Нет уже шкафа – прямое попадание».

Как-то доковылял до леса. И вдруг совсем рядом разорвалось несколько снарядов. Какой-то здоровый бородатый парень на меня удивленно смотрит: «Ховайся, ты шо?» Он явно принимает меня за своего. – «Да я пленный». А он говорит: «Ну и шо? Ты людына». Он меня хватает и тащит. А окопчик маленький. На одного. Он меня туда впихивает и сам залазит. «Тебя как звать?» – «Юра». – «А я Роман». Мы лежим в окопе, нас бомбят, а он рассказывает мне свою жизнь: «Ты знаешь, я ведь бандитом был. А потом я понял, что надо договариваться. Я занимался борьбой, по городам ездил. Мне говорили, надо поехать, долг забрать. Я людей бил. А потом однажды я договорился. И понял, что можно ведь договариваться». – Для него это было такое открытие. – «А мы тут никак не можем договориться. А меня в городе все знают. У нас город небольшой, я там вышибалой работал. Я сейчас приеду и буду там в мэры баллотироваться». Потом бомбежка прекратилась. А он все говорил и говорил, не мог остановиться... Наверно, это была истерика.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Куда вас в итоге привезли?

Юрий ЮРЧЕНКО.

В город Курахово. Там нас всех бросили в подвал. Мне дали деревянную скамейку, остальные на кафельном полу. В туалет ходили здесь же за перегородкой. В любой момент охрана могла ворваться, избить прикладами. Ребят заставили ложкой выцарапать на стене гимн Украины, выучить его наизусть. И когда те заходили, ребята должны были его исполнять. Должны были кричать «Слава Украине!» Мы с Миро не кричали и не пели, но нас особо не доставали. Там был один повар-садист. Он часто заходил и избивал ребят. Как-то он и мне разбил голову в кровь. Меня вели к врачу, и сопровождающий на минуту отошел. Я стою на костылях у стены. А повар сверху заглядывает: «Ну что? Слава Украине?» Я молчу. Он тогда меня бьет по голове бутылкой, полной воды. «Слава Украине?» У меня кровь течет. Тут к счастью пришел мой сопровождающий.

Любитель Юнга**Юрий ЮРЧЕНКО.**

Там был один следователь. Очень эрудированный, образованный. Цитирует Юнга, Фрейда, Ницше, «Майн Кампф». Исповедует идею сверхчеловека. Он профессионал. Специалист по психологической обработке пленных. Когда он сказал, что по скайпу уже разговаривал с моей женой, я чуть не

сломался. Я серьезно думал о самоубийстве. Я был готов разбить голову о стену, чтобы он Дани не трогал.

Когда он полез в Интернет и увидел мои тексты, мои видео, то пришел в ярость. «Тебя убивать надо! Остальные – это ерунда. Ты страшней чем они все. Их мы поменяем. А ты здесь сгниешь. Ты родился в тюрьме на Украине и помрешь здесь же». Был и второй следователь, Александр. Они допрашивали меня и по отдельности, и вместе. Сначала они мне говорили: «Напиши, что все, что ты писал раньше, ты писал по указке из Москвы». Я говорю: «Ребята, я же из Франции приехал, а не из Москвы. Мне никто не поверит. У меня нет начальников. Я пишу то, что хочу». Тогда Александр говорит: «Хорошо. Опиши то, что ты здесь увидел. Ты же увидел здесь много нового? Даже если нам не понравится, я тебе обещаю, что мы ничего не уберем и опубликуем». Я говорю: «Все знают, что я в плену. И вдруг появляется моя статья. Это значит, что мы с вами душа в душу, какой-то сговор у нас». – «Ну да, вот такая договоренность у нас. Давай» – «Но никакой договоренности у нас с вами не может быть».

Тогда первый, психолог, любитель Юнга, говорит: «Ну хорошо, ты выбрал. Эти твои ребята без проблем напишут все, что нам нужно. Что ты был главным, что они были твоим сопровождением, что ты был до зубов вооружен. Мы сделаем тебя интернациональным супертеррористом и будем выставлять Франции в обмен на наши требования. Мы получим от нее всё, что хотим. А если не договоримся, то ты просто сдохнешь в этом подвале». Вот такая перспектива.

В один прекрасный день моего следователя отправили на какое-то боевое задание. И тут опять появляется Ираклий. Он выводит меня из подвала наверх, якобы подышать воздухом. И говорит: «Всё, ты туда больше не вернешься». Просто посадил меня в машину и увез. И после этого начался Данелия. Грузины меня неделю прятали. Перевозили с места на место, меняли машины. Выдали мне натовскую форму. Я жил под именем Георгия Гиоргадзе. Мой следователь вернулся, искал меня, звонил Ираклию, но Ираклий не брал трубку. Министр требовал, чтобы меня везли в Киев. А грузины вели переговоры об обмене.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Может, просто хотели поменять на кого-то из своих? Или узнали, какой шум во всем мире из-за вас?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Конечно, обменяли меня не слабо – на троих, на одного грузина и двоих командиров «Донбасса». Но Ираклий из-за меня пошел на конфликт с Киевом. Я прожил с ними неделю. Это профессиональные военные. У них есть понятие чести. Во время боя они будут в тебя стрелять, но с пленными, по их понятиям, надо обходиться по-человечески. Они возили меня по врачам. В выходной в Мариуполе договорились с доктором, он открыл больницу и сделал мне обследование. С ними было весело и хорошо. Я им читал свои переводы грузинских поэтов. Они мне пели грузинские песни. С этими песнями мы в броневиках носились по дорогам

украинской войны. Если бы не сломанные ребра, это вообще была бы веселая история.

Марина ПЕРЕВОЗКИНА.

Получается, своим спасением вы обязаны Ираклию?

Юрий ЮРЧЕНКО.

Обмен делал лично Ираклий. На своих контактах, на своем авторитете, втайне от Киева. А наши все тянули. Ираклий начал нервничать. Я слышал, как он сказал: «Всё, сегодня в 7, или потом будут проблемы!» Обмен должен был состояться с семи вечера до полуночи на ночной дороге на блокпосту. Грузины купили продукты этому блокпосту, чтобы те не стуканули. Наконец подъехала машина, замигала фарами. Сначала к нам пешком пришел начальник комиссии ДНР по обмену Виталий, позывной «Питер». Они с Ираклием поговорили, и Виталий приказал подвезти тех троих. Все трое пожали мне руку и пожелали удачи. Меня посадили в ту же машину и ночью привезли в Донецк. А потом один из обменянных офицеров, его фамилия Чайковский, позывной «Артист», на пресс-конференции в Киеве сказал, что их обменяли на группу военнослужащих российской армии.

Хэппи-энд, но не для всех

В Донецке Юрченко ждал сюрприз. Накануне в плен попали 200 человек из батальона «Донбасс». Из них в донецком СБУ оказались 110.

Там были и его знакомые, в том числе Семерка и Майор. На следующий день всех пленных выстроили на плацу перед поэтом. Рядом с ним встал сотрудник разведки с блокнотом. Пленные прошли перед Юрченко, и он узнал тех, кто над ним издевался, и тех, кто ему помогал. Последних сразу вносили в список на обмен. Когда перед ним появился Майор, Юрий встал и обнял его.

Юрий ЮРЧЕНКО.

Это было счастье. У меня не было ни злобы, ни ненависти. Я вчера впервые открыл Фейсбук, и увидел фотографию из французской газеты: обмен пленных. Я сразу узнал Майора. «Крайний слева – это тот, кого Юра обнимал, – написала Дани под этим фото. – Юра будет рад».

Юрий ЮРЧЕНКО

«НЕБЕСНАЯ СОТНЯ»

Тут – бандера под бандуру,
Там – «москаль», заклятый враг...
Пуля, может быть, и дура,
Только снайпер – не дурак.
Политически подкован,
Знает он – кому служить,
И для дела для святого
Всех готов он положить...
Хоп! – вот, девочку задел он...
Хоп! – и нету пацана...
Но за правое за дело
Сотня – это не цена.
А народу – надо много ль? –
Он, народ, в расправе лют!...
Вот такой вот гоголь-моголь
И горилка «Абсолют»...
Плачет, стонет Украина
Бьётся рыбою об лёд...
Чуден Днепр! – до середины
Редкий «беркут» доплывёт...

Юрий ЮРЧЕНКО

* * *

*Зачем иду я воевать?..
Чтоб самому себе не врать.
Чтоб не поддакивать родне:
«Ты здесь нужней, чем на войне,
Найдется кто-нибудь другой,
Кто встанет в строй и примет бой».
За это неуменье жить
Не грех и голову сложить...*

Юрий ЮРЧЕНКО

ШКАФ. ЗА МИГ ДО РАССТРЕЛА

Мирославу Рогачу, словаку-ополченцу, попавшему в плен к нацгвардии батальона «Донбасс» на несколько часов раньше меня, и разделившему со мной (на тот момент – инвалидом со сломанной ногой и с перебитыми ребрами) шесть дней и шесть ночей в железном шкафу, в темноте, на холме, в предместье Иловайска, под перекрестным огнем нашей артиллерии, а в паузах между артобстрелами – в постоянной готовности к расстрелу.

*Летишь, не чуя мостовых,
Вскачь – за жар-птицей –
Сквозь длинный список деловых
Встреч, репетиций...
Но – мимо планов, мимо схем –
Скользнет подошва,
И станет очень важно – с к е м
В шкаф попадешь ты...
Но я ведь – как ни крут удар –
Везуч, однако:
На этот раз Господь мне, в дар,
Послал словака.
Сам, весь – один большой синяк
(«Пустяк! Да что там...») –
Возился-нянчился словак,
Со мной, «трехсотым»...
В такой мы влипли с ним «экстрим»,
В такую «кашу»!..*

Но – мы нашли друг друга с ним, –
Спасибо шкафу.

И Муз кормили мы с руки:
В пространстве адском
Шептал на русском я стихи,
Он – на словацком...

.....
Свист... Взрыв. Шкаф гнётся и дрожит,
И крышкой машет;
В бомбоубежище бежит
Охрана наша...
Земля – за шиворот, в рукав...
Свистит осколок
Под монолог о том, как в шкаф
Был путь твой долог...
А артобстрел – на редкость – лют,
В нас – ё-моё-ты! –
Зенитки, гаубицы бьют,
Бьют миномёты, –
И, заглушая в сотый раз
Твой голос, Мирю,
Шесть долгих суток лупят в нас
Все пушки мира.
Затихло... «Жив?.. Не ранен, брат?..»
«...И – полон планов!..»
И, из убежища, назад,
Спешит охрана:
«Что, живы, суки?.. «Ваши» – вас
Жалеют, значит...»
«Бля буду! – в следующий раз
Шкаф расхерачат!»
«...«Француз»!.. Словак! – немає слів! –
Агенти Раши!..
Що принесло вас, двох козлів,

*В Украину нашу?..»
Боюсь, вам, хлопці, не понять...
Шум... Что там снова?.. –
«Отходим! Пленных – расстрелять!..»
И – ляг засова...
Всё, Мир. Занавес. Отбой.
Ни рифм, ни шуток.
Я счастлив был прожить с тобой
Шесть этих суток.
За миг, как ввысь – в слезах, в огне –
Душа испарила,
Твоя улыбка, Мир, мне
Жизнь озарила.*

ПАМЯТНЫЙ ВЕНОК

2 мая 2014 года в одесском Доме профсоюзов был заживо сожжён поэт Вадим Негатуров. 16 апреля 2015 года у подъезда собственного дома в Киеве был убит поэт, писатель и публицист Олесь Бузина. Который откликнулся на смерть Негатунова пророческими словами о том, что быть русским поэтом вообще опасно, а на Украине после победы «майдана» опаснее вдвойне, и за русские стихи, за право быть русским поэтом денег не дают. Одну только посмертную славу. Теперь эта посмертная слава объединяет Негатунова и Бузину, которые смертью своей дополнили, но далеко не завершили мартиролог русской поэзии. Но «Бог бѣ Слово», и Слово нельзя убить – оно всё равно воскреснет. Рано или поздно – в один из чудесных дней Русской Весны.

Владимир БОНДАРЕНКО
МУЖСКАЯ МОЛИТВА НЕГАТУРОВА

*Памяти одесского поэта,
погибшего 2 мая в Доме профсоюзов*

Так всегда было в России – поэзия у нас на баррикадах. И в первых рядах. Так, поминальная «Мужская молитва» замечательного одесского поэта Вадима Негатурова стала молитвой всех русских воинов за него самого, сгоревшего заживо.

*Когда войной на мирный край обрушит
Свирепый хан безжалостную рать, –
– Дай, Боже, право в руки взять оружие,
Благослови врагу противостать.
Дай Господи, возможность причаститься
В преддверии загробного пути,
А коль в бою внезапно смерть случится
– Помилуй и заранее прости...*

Вадим Негатуров становится новым символом вечно вольного русского города Одессы. С этим уже ничего не сделать. Сначала он написал «Марш Куликова поля», ставший сразу же гимном одесского сопротивления бандеровской хунте. Был активным

участником антимайдана на новом Поле Куликовом, спасал город от взбесившейся банды, держал оборону в Доме профсоюзов, уже обгоревший, выпрыгнул из окна пятого этажа, и земля на следующий день приютила его уже навсегда.

*Зубы сжав от обид, изнывая от ран,
Русь полки собирала молитвой...
Кто хозяин Руси: Славянин или Хан? –
пусть решит Куликовская Битва.
И, сразив Челубея, упал Пересвет,
но взметнулись знамёна Христовы!
Русь Святая! Прологом имперских побед
стало Поле твоё Куликово!*

Вот так же, как Пересвет, упал на поле Куликовом и одесский поэт, но не будет ли новое поле Куликово прологом новых побед единой святой Руси? Вадим Негатуров считал себя православным русским поэтом, и на самом деле был им. Когда все лживые бандеровские газетенки, и наши либеральные подвывалы пишут о якобы засилье на одесском поле Куликовом «понаехавших москалей», смерть чистейшего и честнейшего благородного поэта становится уже на века ответом всем лжецам.

*Светом Правды,
что дарит нам Бог в небеси,
Возрождалась славянская сила,
Укреплялись в единстве
три части Рус :
Беларусь, Украина, Россия...*

*Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!
Сокрушим орду поганой нечисти!
Предки отстояли Русь!
А нынче – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!*

Этот «Марш Куликова поля» нынче звучит повсюду. Думаю, мы дождемся его исполнения и по радио, и по телевидению, его будут петь военные ансамбли на всех парадах славянского мира. Наши эстеты будут усмехаться: мол, много риторики, какие-то стихи на марше. Но так же и Владимир Маяковский себя перебарывал, когда писал вместо любовной лирики свои боевые стихи. И вместо трагически-любовных стихов «Это было, это было в Одессе, / Приду в четыре – сказала Мария. / Восемь, девять, десять...» он стал призывать читателей бороться за свое Отечество, писать якобы агитки. Так же и великий эстет Иосиф Бродский, сам себе удивляясь, писал стихи о русском народе, признаваясь, что они ему особенно дороги:

*Мой народ!
Да, я счастлив уж тем, что твой сын!
Никогда на меня
не помотришь ты взглядом косым.
Ты заглушишь меня,
если песня моя нечестна.
Но услышишь её,
если искренней будет она.*

У истинных поэтов наступает миг подлинного величия, миг единения с народом. И пишутся великие стихи и строчки. Как у Анны Андреевны Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был». Как у Николая Заболоцкого: «Вот они и шли в своих бушлатах – два несчастных русских старика».

Перед этим мигом слияния, после него – могут быть новые провалы, попытки изменить себе, даже желание забыть о том миге. Но он даётся свыше, и стихи такие остаются навсегда.

Вадим Негатуров незадолго до гибели стал лауреатом V Всероссийского форума гражданской поэзии «Часовые памяти». Форум проводился на грант президента России, по его итогам ежегодно издается одноименный сборник. 8 мая этого года, уже после гибели поэта, в Кремле основатель форума Елена Носовец вручила Владимиру Путину эту книгу – с последними стихами Вадима Негатунова. Я не знаю, как бы развивался в будущем талант поэта, каких высот он бы достиг, но он уже взял навсегда свою и жизненную, и поэтическую, судьбоносную, соборную высоту, соединяя своими стихами три славянских народа.

И в этой борьбе за наше общее Отечество он уже бросил вызов старшему собрату Иосифу Бродскому, который незадолго до смерти своей как бы распрощался с независимой Украиной: «Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит. Плюнуть, что ли, в Днепр: может, он вспять покатит...». Вадим Негатуров продолжил свою борьбу за единение славянских народов до конца. И гибелью своей, как гербовой печатью, закрепил призыв к единению. Не собираюсь сравнивать по уровню этих двух по-

этов, но, думаю, по смыслу своему призыв Вадима Негатурова к единению, даже, несмотря на его собственную смерть, будет многим ближе, чем отказ от общения с украинцами Бродского.

Русь Святая!

*Шагая сквозь пламень веков,
не искала ты в пламени броды,
сил своих не щадя, побеждала врагов
и спасала другие народы.*

Давненько уже не убивали русских поэтов. Пушкин, Лермонтов погибли на дуэли, Гумилев, Каннегиссер, Оскар Лещинский – в годы гражданской войны, Кульчицкий, Коган, Всеволод Багрицкий, Муса Джалиль – на фронтах Великой Отечественной. И вот – новая смерть. И кто породил его палачей? Что за «милые девушки» заливали «коктейли Молотова» в те бутылки, которыми спалили поэта? Поражает жестокость убийц, жестокость даже после смерти. Вдруг читаю в Интернете: hyperborean.myopenid.com 2014-05-03 09:34 am (UTC) «Помер Максим, да и х.. с ним, колорадские мрази будут гореть по всей Украине, поцепил ленточку колорадскую, взял рашкованский флаг – будешь лежать с пробитой башкой на асфальте... Старт «копченой сотне» вчера патриоты только дали...» И таких людоедских отзывов немало. Что это за нелюди?

В биографии Вадима точку поставила горящая Одесса. Площадь Куликово поле стала знаменем борьбы одесситов за соборное единение народов

Руси: украинцев, белорусов, россиян, – против неонацистов. Создано движение «Куликово поле». Поэтическим символом уже нашей общей борьбы и на долгие годы вперед стал Вадим Негатуров.

Когда-то Адольф Гитлер писал: «Мы тогда победим Россию, когда украинцы и белорусы поверят, что они не русские» (Хью Тревор-Рупер «Застольные разговоры Гитлера 1941-1944 гг.»).

Поэт надолго отодвинул это мечтание наших врагов. Честно говоря, многие уже и в России засомневались, а нужны ли нам украинцы? После гибели Вадима Негатунова, после его пламенных, призывных стихов наши Тарасы Бульбы поняли: есть еще общий русский порох и в незалежных пороховницах. Скорее, наоборот, я подумал: да есть ли в самой коренной России такие имперские духовные бойцы?

*У двуглавых орлов
окантованы золотом перья...
Для двуглавых орлов
неизменен имперский статут...
Между злом и добром,
на границе Духовной Империи
Добровольцы-Солдаты
безсрочную службу несут.*

И как он не дошел при жизни своей до наших газет «Завтра» и «День литературы»? Безмерно каюсь: значит, и я не разглядел такого замечательного общеимперского соборного поэта. Увы, не разглядела и наша Церковь.

*Деньги, слава и власть
добровольцу – отнюдь не критерии,
Страх – не стимул ему,
а чины – не мерило ему,
Но святая награда
Солдату Духовной Империи –
Поступь Божьих побед –
дивный свет, прожигающий тьму.*

Его стихотворение «Солдаты Духовной Империи» уже обречено на вечную жизнь, пока жива будет в тех или иных границах сама Империя, или хотя бы память о ней.

Я читаю отклики на сайтах: «Вечная память Солдату Добра, Божьему человеку. Герою Города-Героя – Одессы, коренному одесситу... Он – хранитель славной истории необычайного города. За спины не прятался».

И впрямь, у города-Героя Одессы появился новый героический символ, появится новый смысл в борьбе.

*Строй бойцов невелик,
но зато не редееет с потерями –
– Все у Господа живы! И каждый,
кто в Вечность уйдёт,
Остается и там Вечным Воином
Вечной Империи,
Путь к победам земным освящая
с Небесных Высот.*

Он уже с небесных Высот освящает нам нашу борьбу за Отечество. После такого самопожертвования и свернуть в сторону сомневающимся уже неудобно, а сколько новых Воинов Вечной Империи придет? Все-таки велика сила поэзии, особенно русской. Рано мы стали отказываться от её прямого воздействия.

Вадим Негатуров и сам пробует разобраться в силе поэзии, в роли поэта. Признавая все неизбежные земные поэтические грешки, утверждает, что, если они озарены Благодатью, то их лучшие стихи уже становятся не совсем земными, пророческими, мистическими. Предчувствует он и свою трагическую судьбу в том же стихотворении «Не осуждай поэта», когда пишет, что «...стихи – дрова костра, Где будет он сожжен...». Даже страшно становится от таких пророческих строк. Читал ли их кто-нибудь из высоких украинских чиновников? И почему не появилось такого же поэта, воспевающего нынешние карательные операции на Украине? Это так же, как у нас, в Москве, в октябре 1993 года, появились великие стихи Татьяны Глушковой, Юрия Кузнецова, Глеба Горбовского, Эдуарда Лимонова, великолепная проза Александра Проханова, Сергея Есина, Владимира Личутина, посвященные защите Дома Советов, и – ни одного яркого произведения из рядов воинственных либералов, только позорное письмо «Раздавите гадину».

Значит, сами Небеса не дают Благодати на защиту позорных действий? Ведь были же яркие творения в период гражданской войны и революции и с красной, и с белой стороны. От «Двенадцати» Блока до «Лебединого стана» Цветаевой. Значит, была там правда с обеих сторон.

Здесь же – один одессит Вадим Негатуров и борется, и молится за своих сотоварищей в прекрасных и мужественных, мужских стихах. Меня поражает пророческая суть многих из них. Он и сам себя, при всей своей обыденной и жизненной сути, считает неким небесным посланником, командированным на Землю, но знает, что придет Время – и он будет отозван к небесам. Вот и отозвали. Да еще в каких мучениях. Сначала горел, задыхался от дыма, затем полет: сразу и на грешную землю для последнего «прости», и на небеса. Впрочем, он к возвращению на небеса, в Отчий Дом готовился заранее, предвидел и костер, на котором будет гореть, и последний май. Он, как блудный сын, возвращается в вечную обитель. Замечательное стихотворение так и называется «Возвращение блудного сына»:

*Я вернусь в Отчий Дом...
 Я вернусь – да не будет сомнений! –
 Даже если зимой –
 всё равно в этот день будет май!..*

*Стану я пред Отцом
 в запоздалом, но здоровом прозрении,
 Что никчемна борьба
 за надуманный жизненный пай...
 Я вернусь, не имея
 заслуги на Рай и Спасение,
 Но в надежде на то,
 что найду и Спасенье, и Рай...*

Вернулся, сейчас уже дает отчет перед Господом нашим. Но где же у нас колокольный звон в его честь, в его память?

*У колокольных нот –
Божественный клавир
И русское звучание державное.
Звонят колокола –
и слушает весь мир
Святые перезвоны Православные!
Зря временным победам радуется ад –
Еще настанет битве час решающий!
...А колокольный звон –
торжественный набат,
Нас под Хоругвь Христову созывающий...*

Что еще надо, чтобы услышали его в Патриарших палатах? Вот кому надо было дать посмертно Патриаршую литературную премию этого года.

При этом он не был странником не от мира сего. Мало ему финансово-экономической жизни, семейной жизни, он и в литературе был достаточно образован и широк, знал прекрасно языки, занимался переводом англоязычных мюзиклов. Руководитель новгородского театра «Водевиль» Ольга Курзина вспоминает, как она узнала, что в Одессе живет поэт, который делает неплохие переводы англоязычных песен: «Уже летом 2013 года я прислала ему оригинал песни «We Go Together» из мюзикла «Бриолин». Вадим Витальевич спустя некоторое время прислал мне свой вариант текста на русском языке под названием «Мы будем вместе».

Эту песню «Водевиль» взял в репертуар, я вставила её в музыкальный спектакль «Love Market Шоу», который мы показывали в Великом Новгороде 14 февраля».

Он уже начинал всерьез жить литературной жизнью, воспринимать себя как поэта. Самое явное доказательство – то, как спокойно и терпеливо работал он над своими текстами, прислушивался к советам редакторов. Как и положено одесситу, обладал прекрасным чувством юмора, любил писать беспощадные сатирические стихи. И кто скажет, что он не любил родную Украину?

*Украина! Гниют в прозябании
Твой Талант и Удача Твоя...
Подались в холуи да путаны –
– ублажать ожиревшие страны –
– Твои дочери и сыновья...
Украина... проклятые годы...
скверна в душах... на совести грязь...
Что, Отчизна, с Тобой происходит?!
...Мы не дети Тебе, мы – отродье,
коль живём, с Твоей болью мирясь...*

Вадим Витальевич Негатуров, убежденный православный поэт, печатавшийся в Москве и Питере, Новгороде и Ставрополе, Челябинске и, естественно, в родной Одессе, был действительным членом Академии русской словесности, учрежденной в Петербурге, один из самых популярных авторов поэтического Интернета. Он с самого начала киевского переворота был против насильственной

украинизации русской Украины – тем более Одессы. Он понимал, что не может вольная Одесса, всегда многонациональная и многоязычная, город мировой культуры, опуститься до провинциального западенского уровня, органически не любил радикальных «свидомитов», запрещающих в его родной Одессе русский язык. И потому стал не просто активистом, а певцом и проповедником Антимайдана. Но ему и в голову не приходило, что это противостояние может закончиться сжиганием людей заживо. Никто в Одессе не ожидал подобной жестокости, милиция явно бездействовала и потворствовала бандитам. И как после этого у либеральствующих журналистов хватает наглости говорить о мирном демократическом развитии фашиствующего режима? Впрочем, по 93-му году мы помним, что хватает, и с избытком. Смерть одесского поэта Вадима Негатурова и на их либеральствующей совести. Потому и молчат постыдно о гибели поэта.

Это сам поэт готов был идти «на Высший Суд, к последнему ответу...», он понимал свое предназначение – собирать славянский мир воедино. Так и живет его одесский род Негатуровых: от гибели бабушки и деда на фронтах Великой Отечественной до гибели сожженного заживо внука в огне 2014 года. Успевшего описать «лютые ненужные сраженья», создать гимн Антимайдана и воспеть солдат Духовной Империи.

Вадим НЕГАТУРОВ

ПРАЗДНИК ТРОИЦЫ

*Сердце успокоится
Радостью чудесной –
Льется Праздник Троицы
Колокольной песней...
Мчится Праздник Троицы
Звездною Дорогой...
Всё у нас устроится,
Если будем с Богом...*

Вадим НЕГАТУРОВ

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

*Вновь миром правит зло, вновь бесам несть
числа,*

Вновь свиньями Святое попирается...

Но только зазвонят в церквах колокола –

Вся нечисть на планете содрогается...

У колокольных нот – Божественный клавиш

И русское звучание державное.

Звонят колокола – и слушает весь мир

Святые перезвоны Православные!

Зря временным победам радуется ад –

Еще настанет битве час решающий!

*... А колокольный звон – торжественный на-
бат,*

Нас под Хоругвь Христову созывающий...

Вадим НЕГАТУРОВ

МАРШ КУЛИКОВА ПОЛЯ

*Зубы сжав от обид, изнывая от ран,
Русь полки собирала молитвой...
Кто хозяин Руси – Славянин или Хан? –
– пусть решит Куликовская Битва.
И, сразив Челубея, упал Пересвет,
но взметнулись знамёна Христовы!
Русь Святая! Прологом имперских побед
стало Поле твоё Куликово!*

Припев:

*Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!
Сокрушим орду поганой нечисти!
Снова Русь в опасности! Сегодня – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!
...Делом доказать любовь к Отечеству!
...Кровью доказать любовь к Отечеству!
...Жизнью доказать любовь к Отечеству!*

*Русь Святая! Шагая сквозь пламень веков,
не искала ты в пламени броды,
сил своих не щадя, побеждала врагов
и спасала другие народы.
Светом Правды, что дарит нам Бог в небеси,
возрождалась славянская сила,
укреплялись в единстве три части Руси –
– Беларусь, Украина, Россия...*

Припев:

Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!

Сокрушим орду поганой нечисти!

*Снова Русь в опасности! Сегодня – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!*

...Делом доказать любовь к Отечеству!

...Кровью доказать любовь к Отечеству!

Жизнью доказать любовь к Отечеству!

*С небоскрёбов заморских, от схроновых нор
ядом стелется мрак сатанинский,
чтобы Русь отравить, чтоб посеять раздор
меж Славян в их соборном единстве.*

Но врага, будь он даже хоть дьявола злей,

на Руси ждут с терпеньем суровым

Сталинград, и Полтава, и доблесть Полей

Бородинского и Куликова!

Припев:

Русичи, вперёд! Русичи, вперёд!

Сокрушим орду поганой нечисти!

*Предки отстояли Русь! А нынче – наш черёд
доказать любовь свою к Отечеству!*

...Делом доказать любовь к Отечеству!

...Кровью доказать любовь к Отечеству!

...Жизнью доказать любовь к Отечеству!

Вадим НЕГАТУРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

*Я вернусь в Отчий Дом...
Я вернусь – да не будет сомнений!
Даже если зимой – всё равно в этот день будет
май!
И стареющий пёс в конуре под цветущей сире-
нью
Вдруг узнает меня – и поднимет приветствен-
ный лай!*

*Я вернусь в Отчий Мир после лютых ненужных
сражений,
После грязных безумств, что хлестали грехом
через край...
Я вернусь! Нежно море мне ванну солёную вспе-
нит,
А прибрежная степь мне заварит ромашковый
чай!*

*Стану я пред Отцём в запоздалом, но здоровом
прозрении,
Что никчемна борьба за надуманный жизнен-
ный пай...
Я вернусь, не имея заслуги на Рай и Спасение,
Но в надежде на то, что найду и Спасенье, и
Рай...*

Вадим НЕГАТУРОВ

СОЛДАТЫ ДУХОВНОЙ ИМПЕРИИ

Евпатию Коловрату, Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Патриарху Филиппу II, Ермаку Тимофеевичу, Богдану Хмельницкому, Антону Головатому, Александру Суворову, Петру Багратиону, Александру Грибоедову, Федору Тютчеву, Петру Столыпину, Патриарху Тихону, Николаю и Льву Гумилёвым, Георгию Жукову, Дмитрию Лихачеву, Сергею Королёву и многим, многим другим, в том числе и ныне живущим, таким разным по профессиональному призванию, но единым в главном, – посвящается...

...он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

(Евангелие, Книга К Римлянам,
Глава 13, из Стиха 4)

...возьмите щит веры, которым сможете уга-
снить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем
спасения возьмите, и меч духовный, который
есть Слово Божие.

(Евангелие, Книга К Ефессянам,
Глава 6, Стихи 16 и 17)

*У двуглавых орлов окантованы золотом перья...
Для двуглавых орлов неизменен имперский ста-
тут...*

*Между злом и добром, на границе Духовной Им-
перии
Добровольцы-Солдаты безсрочную службу несут.*

*Впереди, в темноте, – злое воинство чёрной ма-
терии,
В полумгле пограничной – шпионы, иуды, ворьё...
Умываются потом кровавым Солдаты Империи,
Шаг за шагом в боях расширяя границы её.*

*Хуторские народцы путь жизненный сытостью
меряют;
Жаждет славы позёр; торгашу – лишь в процен-
тах резон...
Эти страсти скудны для Солдата Духовной Им-
перии:
Тесен хутор ему; мир барыг и позёров смешон!*

*Деньги, слава и власть добровольцу отнюдь не
критерии,
Страх – не стимул ему, а чины – не мерило ему,
Но святая награда Солдату Духовной Империи –
Поступь Божьих побед – дивный свет, прожигаю-
щий тьму...*

*Строй бойцов невелик, но зато не редает с поте-
рями –
Все у Господа живы! И каждый, кто в Вечность
уйдёт,
Остаётся и там Вечным Воином Вечной Империи,
Путь к победам земным освящая с Небесных Вы-
сот.*

*А на грешной земле, твёрдо в принцип имперский
уверовав,
В строй становятся те, чьи сердца – драгоцен-
ный кристалл.
И не знают порой добровольцы-Солдаты Импе-
рии,
Что на ратную службу их сам Вседержитель
призвал.*

*Строго спросится с них – ведь избранники Божьи
теперь они!
Будет сила дана им – прямая Небесная связь!
И простится им многое, честным Солдатам Им-
перии:
И войны неизбежная кровь, и окопная грязь...*

Олесь БУЗИНА
ОПЯТЬ НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ...

Поэт – смертельно опасное занятие. Что-то вроде утончённой разновидности самоубийства. Открытого, как у Есенина и Маяковского. Или тайного, замаскированного под дуэль по-лермонтовски, по-пушкински. Это незыблемый литературный закон. Такой же, как то, что в ямбе ударение падает на второй слог. Не живут долго поэты. Ни наши небесные Гумилёвы и Высоцкие, ни французские «проклятые» Верлены – короли поэтических подворотен.

Эта старая, известная еще со времен учебы на филфаке истина вспомнилась мне на днях, когда в Москве учредили новую литературную премию. Имени нашего земляка – одессита Вадима Негатурова, сгоревшего 2 мая в Доме профсоюзов. Имени ПОЭТА!

Кто станет сомневаться в том, что это был настоящий поэт, прочитав, например, вот это:

*Свободным быть – нелёгкая судьба,
Тяжёлый путь под знаменем Господним.
Бравурный клич «Убей в себе раба!» –
Плохой римэйк девиза «Стань свободным!» ...
Вот раб-холуй. Он сделался рабом*

*Природно, не по страху, без «батьиства».
Холуй, убив раба в себе самом,
По сути совершит самоубийство...
Вот раб-злодей. Живёт в нём лютый зверь,
Но рабский страх стреножил злую силу.
Убьёшь в таком раба – откроешь дверь
Нерону, Торквемаде, Чикатило...
Вот раб-бунтарь – погромов генерал,
Соавтор революций психопатных...
Кровь проливая, вольным он не стал,
Но в БЕСпощадье бесом стал внештатным...
Разнообразна раковая смрадъ
Жрецов греха, певцов свободы ложной,
Не могущих понять или принять –
Без Господа свобода невозможна.
Ведь даже став свободным от всего,
Ты от Творца свободным быть не сможешь!
Но можешь стать сотрудником Его,
Его солдатом, Человеком Божьим...*

Премия называется «Куликово поле». По имени площади в Одессе, где погиб Вадим Негатуров. Место мне очень знакомое. Я два года с гаком прожил в Одессе – служил в армии и учился на первом курсе в университете. Топал на осеннем параде 7 ноября 1988 года по этому самому Куликовому полю. Проезжал мимо на трамвае в прошлом году во время последнего приезда в «жемчужину у моря». И даже представить не мог, какая трагедия разгорится тут в прямом смысле нынешней весной. На еще недавно мало кому известном, кроме одесситов, одесском Куликовом поле...

Вам не кажется символичным, что эта площадь носит ТО ЖЕ название, что и поле той битвы, с которой начиналась слава наших предков – и Дмитрия Донского из Москвы и воеводы Дмитрия Боброка? С Волыни явился на берег Дона Боброк биться за Русь с Мамаем. И не было тогда никакого разделения на «бандерлогов», и «колорадов». А были просто РУССКИЕ ЛЮДИ... Именно на Куликовом поле почувствовавшими окончательно, что все они русские.

Ради этого погиб 2 мая Вадим Негатуров. Просто пришел напомнить, что он тоже русский. Выступить за предоставление русскому языку государственного статуса в Украине. Присоединиться к митингу за федерализацию. Никого не бил. Не держал в руках оружия. Не стрелял ни в кого. И его убили. За что? Разве в «европейской» Украине нельзя требовать соблюдения простых человеческих прав? Таких же, как в Бельгии, где два государственных языка. Или, как в Швейцарии, где их ЧЕТЫРЕ. Таких же прав, как в федеральной Германии, где даже Гамбург до сих пор официально ВОЛЬНЫЙ ГОРОД.

Почему московская либеральствующая интеллигенция, так увлеченная очередной украинской «революцией», не хочет признать, что в Москве сторонников Болотной полиция бережно разводила под руки (это при «тираническом» режиме Путьина!), а в Украине, в Одессе, уже при победившей майданной «демократии» людей просто сжигали, как сожгли этого замечательного поэта, написавшего:

*Жаба зависти – тварь, в чьих глазах водяни-
стых –*

Сплетен грязь да интрига болотная...

Даже смертью того, кто был ей ненавистен,

Не насытится это животное...

Надеюсь, хоть теперь вы ему не завидуете? Не души-
шит вас жаба собачьей зависти, вечно скачущая
по тусовкам в погоне за минутой славы?

Наберите в «Гугле» три слова: **ВАДИМ НЕГА-
ТУРОВ СТИХИ.**

Поэзия русская вечна. Только страшно быть
поэтом. Особенно русским. Особенно – в Украине.
Ведь у нас поэтов на Поле Куликовом сжигают. Это
такая высшая степень премии. За которую денег не
дают. Одну только посмертную славу.

Олесь БУЗИНА

* * *

*Вставай, поднимайся скорей, Украина!!!!
Пока еще дышишь, пока – не руина!
Пока Порошенко вас всех не убил!
Пока ты не стала страной из могил!*

*Вставай, поднимайся, клеймённый народ!
Вас, Порось-убийца на плаху ведёт!
К вам Путин войска НИКОГДА не введёт –
Америка этого только и ждёт!*

*Вставайте! Вставайте, не ждите подмоги!
Не то разорвут вас, как курву, за ноги ...
Пока вы молчите – вы поле для битвы,
И Бог не услышит ни слова молитвы...*

*Вставай, поднимайся, Украйны народ!
Идите на Раду, где правит урод...
Народ – это сила, народ – это власть!
И это у вас никому не украсть!*

*Вставайте, идите лавиной людской!
И дайте последний, решительный бой!
Тащите на площадь из Рады бл...дей,
Заливших Восток кровью малых детей!*

*Тащите их прямо на площадь майдана
И рвите их в клочья, вам властью данной!*

Олесь БУЗИНА

* * *

*Люциферов, ведъм и виев
Больше стало – плачь, Украина!
Всё темнее хутор Киев,
Бесы скачут – файно, файно!*

*Наступает царство Хама,
Больше лбов тупых и узких.
Не пошла дорога к храму,
Матерь ты ли градов русских?*

*С кем ты, Киев?
Воют волки,
Вторят им твои собаки...
Ставь в святые Святополка –
И получишь «лайк» от Псаки!*

*Как же, Киев?
Брат на брата?
Но, воздастся, ведь, по вере?
Нет, не с краю твои хаты,
Все – заложены Бандере!*

*Филарет, с расстрижной рожей,
Сеет ересь в край родимый!
Слёз росу, гранитной кожей,
Льёт твой князь, святой Владимир!*

Елена ШЕЛКОВА

* * *

Памяти О. Бузины

*Палачи, палачи, палачи
«Лечат» быстро любые огрехи.
Промолчи, промолчи, промолчи,
Сочинитель правдивого эха!*

*Ты же знал: можно только «Ура!»
Или тихо в карманах две дули.
А от голоса есть снайпера,
А от песни прописаны пули.*

*Ты заказан. Беги, менестрель!
Менестрель палачам не в утеху
За секунду до пущенных стрел*

Допевал, чтобы вырвалось эхо.

*Закричи, закричи, закричи!
Где бы ты ни бежал и ни ехал.
Если будешь молчать, то в ночи
Не родится прекрасное эхо.*

*Что угодно: «Аллё!» и «Алле!»
Но не множь тишиною усталость.
Ведь и горы цветут на земле,
Чтобы эхо в горах раздавалось...*

Александр ПРОХАНОВ
ПОДВИГ ОЛЕСЯ БУЗИНЫ

Я весь день под впечатлением этой страшной вести.

Последнее время, когда Олесь бывал здесь, мне мерещилось что-то страшное, клубящееся вокруг него. Он приезжал из огненного, ненавидящего Россию Киева и здесь проповедовал братское чувство между русскими и украинцами. Он заслонял украинцев от множества резких нападков со стороны нас, изумлённых, и защищал русских от чудовищных, русофобских выпадов на Украине. В этом была его миссия.

По своему мировоззрению Бузина был очень интересным человеком. Он был писателем, талантливым, плодовитым, который очень успешно издавался. Он был историком, который блистательно знал историю всего русского мира, историю большой России. Олесь не был самостийным, местечковым националистом, он высказывал идею общего русского мира вплоть до Тихого океана, но в этом русском мире оставлял за Украиной право первородства.

Он был за сохранение огромного царства со столицей в Киеве. Он считал, что именно из Киева, из матери городов русских, хлынул Божественный свет на все остальные пространства. Здесь появились первые русские святые, здесь возник Киево-Печерский монастырь. Бузина говорил, что Киев –

это светоносный град, откуда распространялась великая общерусская сила и красота. Всё это было мне понятно и импонировало на фоне разделяющих нас тенденций, идей и суждений.

Он приезжал сюда, в Россию, и совершал подвиг, не давая распасться единому славянскому миру. Олесь прекрасно знал, что за это его накажут, потому что проповедовал единство уже после чудовищного крематория в Одессе, после бомбардировок Луганска и Донецка, после арестов в Харькове. Он знал, но все равно проповедовал. Поэтому я считаю, что он мученик. О мучениках, которые проповедовали мир и любовь, в Нагорной проповеди сказано: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Его кончина ужасна, это трагическое, чёрное пятно, которое будет продолжать расплзаться и причинять страдания огромному количеству добрых людей.

На Украине развязан террор. Террор по отношению ко всему, что благосклонно к России, благосклонно к братству украинцев и русских. До этого прошла череда самоубийств политиков, среди которых быть может были и убийства... Не дай Бог нам оказаться сейчас в Киеве, потому что сам воздух там пропитан ядом и смертью.

Олесь Бузина был настоящий проповедник, мыслитель, и пуля пронзила именно его мировоззрение, его взгляды, его идеологию.

Видимо, о таких, как он, в своё время Пастернак написал:

*Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно, что жилы отворить.*

Захар ПРИЛЕПИН:

«Мы совсем недавно виделись с ним. Я говорю:

– Олесь, ты вообще как там в Киеве живёшь? Ну, ходишь по улицам, говоришь с людьми, или с тобой кто-то говорит – всё нормально?

Он улыбнулся и стал рассказывать про свой район – там неподалёку, сказал Бузина, Нестеров сделал мёртвую петлю.

– Там и живу, – сказал, улыбаясь.

Он был такой домашний, добрый, красивый парень. Убийство его – совершенно бессмысленно, это просто акт устрашения. «Смотрите, как мы умеем! Мы умеем так каждый день делать!»

Уроды устроили себе очередной праздник.

Когда в Киеве будет проведён День Победы – пусть не в этот раз, так в следующий, я обязательно пройду там с портретом Олесья. И ещё с несколькими портретами.

Эта петля – она вас самих там передавит, имейте в виду».

Платон БЕСЕДИН
ЛИКВИДАЦИЯ ПРАВДЫ

О том, почему убийство украинского писателя Олесь Бузины стало приговором украинцам

Убит украинский писатель Олесь Бузина. Застрелен возле своего дома на улице Дегтярёвской. В центре Киева. Это уже крошечная дикость.

Его убийство – очередное звено в inferнальной цепочке. До этого были другие жертвы. Их убивали, заставляли убить себя или обставляли смерть как самоубийство. Ликвидировали тех, кто был связан с прошлым Украины, кто остался там ярким, заметным человеком. Михаил Чечетов, Олег Калашников – во многом именно с ними ассоциировалась прежняя власть. Теперь их нет. Они уничтожены.

Этот отстрел неугодных продолжается на фоне массовых репрессий по отношению ко всему украинскому народу. Страна возвращается в 1937 год. Всё логично: сначала – революция, после – уничтожение инакомыслия. Даже термин ввели – «бытовой сепаратизм», под который попадает любое несогласие с политикой нынешней киевской власти.

Подобное происходит в стране, где так много, так пламенно кричали о свободе, терпимости и других европейских ценностях. Стране, декларировавшей избавление от диктаторского режима, коррупции и

преступлений против свободы слова. Это ли не кощунственная издевка?

Украину сегодня будто поместили в «Железную деву» и сантиметр за сантиметром закрывают крышку, чтобы пронзить кольями «прекрасного нового мира». Вот он – с арестами, пытками и застенками. Хотя вроде бы 2015 год.

Ужас, но ужас предсказуемый. Когда в начале прошлого года под улюлюканье жгли милиционеров как представителей власти, когда расстреливали своих же братьев, а затем перешли к сожжению заживо людей в Одессе, к танковым расстрелам мирных жителей в Мариуполе, страна обратилась в геенну огненную. Выйти из нее можно было лишь совместными усилиями. В спасении должен был участвовать каждый украинец, независимо от его мнения о происходящем. Возможность диалога, намек на понимание – вот что могло помочь Украине.

Но делать этого не стали. Даже не подумали. Наоборот, стали всячески истреблять инакомыслие. Любую, даже мельчайшую вероятность альтернативного мнения.

Убийство Олеся Бузины тут особенно показательно.

Он был писателем, человеком творческим. Да, подчас с противоречивыми взглядами, одиозный как личность, но его деятельность – это право на высказывание, поиск выходов из сложившейся ситуации. Они оказались не нужны Украине, оказались обрублены.

Мы познакомились с Олесем в декабре 2013 года. Перед эфиром на одном российском ток-шоу. Продолжался евромайдан, и я сказал Олеся:

– Всё это закончится расстрелами и убийствами. Страна обречена.

Он улыбнулся, взял меня за лацкан пиджака и ответил:

– Зачем думать о худшем? Как-нибудь выплывем!

Не знаю, правда ли он так думал. Но тогда Олесь показался мне витальным, крепким, негнибаемым человеком.

Позже мы регулярно встречались на телеэфирах, хотя приезжать на них ему было всё тяжелее. Его прессовали, стесняли, блокировали в Украине. Оставляли без площадок, без аудитории, без самой возможности высказывания. Таскали по кабинетам спецслужб. Угрожали. А когда назначили на пост шеф-редактора издания «Сегодня», тут же сняли.

Другой бы уехал, покинул страну. Но Олесь был принципиален. Слишком многое связывало его с Украиной. Не только материальное, хотя и это, конечно, тоже, но прежде всего чувство родной земли.

Есть жуткая несправедливость в том, что из него сделали главного украинофоба страны. Какая пошлость! Только в искривленной безумием действительности такого, как он, могли наречь «врагом нации», «предателем».

Думаю, что дело обстоит как раз наоборот: Олесь Бузина был истинным патриотом Украины. Да, он критиковал многое в ней: от Тараса Шевченко до политики нынешней власти, но делал это не потому, что злословил, возводил напраслину, а потому, что искренне желал лучшего для своей страны. Глядя на его выступления, читая его статьи, я не-

изменно вспоминал слова англичанина Джулиана Барнса: «Величайший патриотизм – сказать своей стране правду, если она ведет себя глупо, бесчестно, зло». Писатель тут должен быть максимально честен, принципиален.

Но Бузину не услышали. Не оценили силу правды и красоту бисера. И потому казнили.

Я узнал о его гибели, стоя на бахчисарайском рынке. Через два дня я собирался в Киев. Мне позвонили и попросили дать комментарий. Я не понял сначала, о чем речь, а когда мне повторили, вскрикнул от ужаса: «Застрелили?». Так громко, что обернулись, кажется, все. После я шел домой, растерянный, постаревший, звонил близким, говорил о новости и не понимал, что происходит. Пугливо мелькала наивная мысль: «Украинцы должны задуматься, должны окститься».

Но когда я вернулся домой, зашел в интернет, то увидел лишь мракобесие, гнусь. Они радовались его смерти, торжествовали, ехидничали. И обвиняли Россию. Снова, как в демонической версии «Дня сурка». Те, кто радовался гибели людей в Одессе. Безумцы без права называться людьми. Не украинцы.

И это предел, и это приговор. Стране, народу. Если не задумаются, не расследуют дело, как десятки других до этого, если станут замалчивать, как и преступления в Одессе и Мариуполе, то не быть Украине. Потому что стрельба в Олеся Бузину – это уничтожение каждого инакомыслящего украинца. Всех тех, кто не согласен с абсурдом и беспощадностью новой украинской действительности.

С каждым днем, с каждым новым преступлением несогласных, как и Олесь, будет всё больше.

Да, пока они молчат, пока они напуганы, но рано или поздно они снесут ту мерзкую гнусь, что отравляет страну. И возродят Украину, истинную, прекрасную.

В одном из интервью Олесь Бузина сказал замечательную фразу: «Я пишу правду. Правду говорить легко и приятно. Я писатель. Не террорист. Не повстанец. Кроме слова правды, у меня оружия нет». Оказалось, что не легко и не приятно. Оказалось, что за правду в нынешней Украине уничтожают. И смерть Олесь Бузины – это прежде всего ликвидация правды.

Но лишь на время. Ибо настоящие герои действительно не умирают. Они остаются с нами, как и истинные слова.

Юнна МОРИЦ

СЕЙЧАС И ЗДЕСЬ

*Не возвращайся в Украину!
Угроза жизни дышит в спину,
В затылок дышит подлецо –
Фашизма подлое лицо!*

*Не возвращайся, там – гестапо,
Восторг фашистского нахрапа,
Кровавый скачет карнавал,
По спискам гробит наповал!*

*Не возвращайся в их зверинец,
Ты – драгоценный украинец,
Тебя убьют за твой талант:
Убить талант – призванье банд!*

*Но ты вернулся – и убит.
Имеет Запад жалкий вид.
С фашистами в одной компании
Он Лорку расстрелял в Испании,*

*С фашистами в одном флаконе
Он полон русофобской вони,
С фашистами сейчас и здесь
Он расстрелял тебя, Олесь!*

*Угроза жизни миновала,
Тебя убить, конечно, мало:
Теперь ты превратился в свет,
Где после смерти – смерти нет!*

*Теперь тебя фашистский мрак
Не ликвидирует никак.
Твоё присутствие, Олесь,
Огромно – хоть на стенку лезь!*

*Хоть лезь на стену, мракобесье –
Теперь присутствие Олесья
Огромно и неистребимо,
Оно бессмертно и любимо,
Стреляй в него – всё будет мимо!*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир ВИННИКОВ

Поэзия Русской Весны

Сергей АРУТЮНОВ

Очевидное о невероятном

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Светлана СЫРНЕВА

- Прописи
- «Корка хлеба ржаного, стакан молока...»

Виталий ПУХАНОВ

- «Пока чернел над полем крест орлиный...»

Олег БОРОДКИН

- Восток и Запад

Андрей ДОМБРОВСКИЙ

- «Пока пурга звенит всё ниже...»

Николай ЗИНОВЬЕВ

- «У карты бывшего Союза...»
- Не замай!

Георгий СУДОВЦЕВ

- Вторжения

Марина СТРУКОВА

- Песня о вечной войне

Сергей ЗАГАТИН

- «В сон после лета...»

МАЙДАН, ОДЕССА, КРЫМ, ДОНБАСС... ..

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ

- **«Незатёртых слов боезапас...»**

Александр АНАНИЧЕВ

- Наша правда

Сергей АРУТЮНОВ

- «В лучистом детстве, как на облаке...»
- «Шептали ль мы на дне изрытом...»
- «Только зиму и помню...»
- «Туда, где беспечное солнце блудит...»
- «Дёрнешь «Примы» за магазином...»
- Россия
- «Там, где жгут мои книги...»
- Русской весне
- «Когда их жгли, в Москве была жара...»
- «Судьбу просиживая сиднями...»
- «Теперь не до танцев, милая...»
- Моему Донбассу
- «Пристанционным дребезгом звуча...»

Ирина БЕЛОКОЛОС

- Бывшей подруге

Иван БЕЛОКРЫЛОВ

- Баллада о пономаре

Галина БЕРЕЗИНА

- «Поутру, по огненному знаку...»

Любовь БЕРЗИНА

- «Собакою завыл снаряд...»

Владимир БЕРЯЗЕВ

- «Этот путь от ножа до ножа...»

Никита БРАГИН

- «Принеси же из стольного Киева...»

Максим БУРДИН

- «Иногда, возвращаясь с прогулок...»

Александр ВУЛЫХ

- Еще раз о покаянии

Максим ЗАМШЕВ

- «Не хочу я, чтобы Балаклава...»

Игорь КАРАУЛОВ

- «Назовите молодых поэтов...»

Виктор КИРЮШИН

- Донбасс 2014

Ирина КОВАЛЕВА

- Украина

Алексий КОСМОС

- «Горит земля
в дебальцевском «кармане»...»

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

- «Я была ученицей примерною...»

Марина КУДИМОВА

- Ватники

Бабка ЛИДКА

- Прощание Славянска

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ

- «А вдруг это не я
убита под Донецком...»

Светлана МАКСИМОВА

- Преображение. Август-2014

Ева МЕРКУРЬЕВА

- «Мирные граждане в мирной столице...»

Альгис МИКУЛЬСКИС

- «Растекаюсь по древу дней
огнехвостой мышью...»

Неизвестный автор

- «Стояли мальчики – стеной...»

Неизвестный автор

- «Мама, не плачь!
Я незримо с тобой буду рядом...»

Неизвестный автор

- Украины больше нет!

Неизвестный автор

- Привет из Донбасса

Неизвестный автор

- Георгиевская лента

Алексей ПОЛУБОТА

- «На жгучих полях Новороссии...»

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

- «Откуда берутся силы...»

Анна РЕВЯКИНА

- «Глупенький мальчик берёт автомат
и уходит в город...»

Ирина САМАРИНА

- «Простите нас, родные россияне...»

Игорь СВЕЖЕНЦЕВ

- «Наступает Русская весна...»

Вадим СТЕПАНЦОВ

- Июльское

Георгий СУДОВЦЕВ

- «Жизнь, как известно, богаче...»

Константин ФРОЛОВ

- Не будьте русского медведя!

Александр ХАБАРОВ

- Огонь

Татьяна ЧЕРТОВА

- «На Сибирь опустился сон...»

Дмитрий ШАРКО

- «Он видел в прицел ту белую хату...»

Оксана ШКОДА

- Славянский излом

ЛИКИ

Всеволод ЕМЕЛИН

- Баллада о Ленине
- Походная песня

Игорь ДУДИНСКИЙ

Плач Ярославны

о русских мальчиках

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

- Эти русские
- «Случается война. Успеть...»
- «На главной баррикаде...»
- Чёрный хлеб
- Молитва

Светлана КЕКОВА

«Мы живём внутри Апокалипсиса»,

беседа с Андреем КУЛИКОВЫМ

- «Я там, за Волгою, вдалеке...»
- «В Киеве уже цветут каштаны...»

Владимир КОСТРОВ

- «В лучах медийного огня...»
- «В гудках портовых сухогрузов...»
- Возвращение

Новелла МАТВЕЕВА

- В огороде бузина... ..
- Крым (Чьи-то «мнения»)

Юнна МОРИЦ.

Свобода слова,

беседа с Мариной АЛЕКСИНСКОЙ

- «Гуманитарный коридор...»
- «Да что вы знаете
про нервную нагрузку?..»
- «Самолёт летит бомбить...»
- Другая Украина
- Демократия погрома
- Хорошо придумано

Олеся НИКОЛАЕВА

Имеющий глаза да увидит,

беседа с Екатериной Ненашевой

- Свет Майдана
- Баллада о Сашке Билом

Валентин СОРОКИН

- Просьба

Игорь ТЮЛЕНЕВ

- «Когда мы возвратимся в Крым...»

Юрий ЮРЧЕНКО

Шесть суток в железном шкафу,

беседа с Мариной Перевозкиной

- «Небесная сотня»
- «Зачем я иду воевать?..»
- Шкаф. За миг до расстрела

ПАМЯТНЫЙ ВЕНОК

Владимир БОНДАРЕНКО

Мужская молитва Негатурова

Вадим НЕГАТУРОВ

- Праздник Троицы
- Колокольный звон
- Марш Куликова поля
- Возвращение блудного сына
- Солдаты духовной империи

Олесь БУЗИНА

Опять на поле Куликовом...

- «Вставай, поднимайся скорей, Украина!..»
- «Люциферов, ведъм и виев...»

Елена ШЕЛКОВА

- «Палачи, палачи, палачи...»

Александр ПРОХАНОВ

Подвиг Олеся Бузины

Захар ПРИЛЕПИН

«Мы совсем недавно

виделись с ним...»

Платон БЕСЕДИН

Ликвидация правды

Юнна МОРИЦ

- Сейчас и здесь

РУССКАЯ ВЕСНА

Антология поэзии

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 8.
Тираж экз.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

